

Сильвия Холлидей
Как утреннее солнце

1997

Холлидей С.

Как утреннее солнце / С. Холлидей — 1997

Чтобы избежать разорения своей семьи, юной Келли Соутгейт пришлось пожертвовать собой и дать согласие на брак с совершенно незнакомым человеком. Однако то, что должно было обернуться для девушки трагедией, стало по прихоти судьбы величайшим счастьем. Женихом Келли оказался бесстрашный, мужественный стрелок, пылкий возлюбленный, человек, который, возможно, и не подарит Келли покой и безмятежность, зато принесет дар куда более драгоценный – блаженство пламенной страсти.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сильвия Холлидей

Как утреннее солнце

Глава 1

Колорадо, 1870 год

Бет перестала прыгать на одной ножке, нахмурила светлые бровки и осторожно спросила:

– Так ты выйдешь замуж за мистера Перкинса? Келли взяла младшую сестренку за подбородок и, ласково глядя ей в глаза, спокойно объяснила:

– Мы ведь с этим человеком еще не знакомы. Он приезжает только для того, чтобы помочь папе с магазином.

Сказанное было ложью. Келли попросила отца пока не разглашать их тайну, так как чувствовала, что не готова принять правду. Пока еще не готова...

Но... что же в таком случае привело ее сегодня в комнату отца? Что заставило открыть сундук, где лежит подвенечное платье мамы? Что, если не эта якобы нежеланная для нее, правда?

К Бет вернулась прежняя жизнерадостность, и она снова стала прыгать, бормоча под нос считалочку. А затем вдруг пропела:

– Миссис Хорэс Перкинс! Миссис Хорэс Перкинс! Здорово звучит!

Келли предостерегающе подняла палец:

– Придержи свой язычок! Я не хочу, чтобы мистер Перкинс подумал, будто его здесь хотят окрутить. Что произойдет, то и произойдет. Поэтому больше ни слова о замужестве или о женитьбе. Ты слышишь? Ни одного слова!

Бет кивнула и повернула воображаемый ключ у самых губ.

– Тик-ток, рот на замок.

– Громы небесные! Вы что здесь делаете, девочки? Большой Джим Саутгейт стоял в дверях, закрывая массивными плечами весь дверной проем. Буйная шевелюра снежно-белых волос, не тронутых ни бриолином, ни помадой, обрамляла лицо с крупными и в то же время точеными чертами.

Его гулкий бас заполнил всю комнату.

– Келли! Бет! В доме уже все прибрано?

Келли несколько секунд молча смотрела на отца, как всегда замороженная его впечатляющей внешностью.

– Чисто как стеклышко, папа.

Бет сползла с кровати, подбежала к двери и кинулась к отцу. Он подхватил ее на руки, окружил в воздухе. Девочка задохнулась от счастья.

– А я испекла печенье, папа! Совсем – совсем самостоятельно, черт меня побери!

Келли поморщилась от жаргона сестры. Еще месяц в этом городке – и сестра начнет ругаться, как работяги, что толпятся вокруг салунов на Франт-стрит.

Келли достала из сундука полотняную дорожку, украшенную вышивкой.

– Вот, Бет. Сбегай, посмотри, как она будет выглядеть на бюро в комнате мистера Перкинса.

Бет нехотя выскользнула из отцовских рук, взяла у сестры дорожку и проворчала:

– Подумаешь, какой важный. Мог бы жить и в кладовке за магазином. Тогда нам не пришлось бы суетиться целый день, устраивая ему комнату.

Большой Джим поцеловал Бет в макушку, потом слегка шлепнул по попке, и она понеслась вниз по ступенькам.

– Всегда делай то, что говорит тебе сестра, малышка. Мне кажется, мистер Перкинс не тот человек, с которым можно вольничать.

– Думаю, для мистера Перкинса этот дом покажется настоящим дворцом. Попрошайки не должны быть слишком разборчивыми. – Келли потянулась за тростью и, опираясь на нее, встала на ноги.

– Ну, Мышонок, ты несправедлива. После войны он остался ни с чем, это правда. Ни денег, ни родни. Так же, как и у многих других. Правда и то, что потом он долго скитался. Но этот господин из хорошей семьи, из Балтимора. И мой друг Купер перед смертью поручился за него. Пусть, говорит, Хорэс Перкинс и беден как церковная мышь, но человек он порядочный и самый настоящий джентльмен.

– Но твой друг знал его до войны, а после этого практически не видел. У нас даже фотографии мистера Перкинса нет. Только несколько писем. – Невесело усмехнувшись, девушка прошла мимо отца в холл. – Я знаю только то, что он принял твое предложение оплатить ему дорогу сюда и согласился жениться, еще не видя меня. Удивляюсь, что этот джентльмен едет в экипаже, а не в грузовой повозке, как какой-нибудь шкаф. Мой заказанный по почте, купленный и оплаченный жених.

– Постой-постой минутку. Ну-ка вернись сюда, Девочка!

От громоподобного голоса Келли застыла на месте, избегая отцовского взгляда.

– Ничего еще не решено, и мистер Перкинс знает об этом. Он едет сюда для того, чтобы помочь мне с магазином. Если протеже Купера мне понравится, и я увижу, что он человек стоящий, то, возможно, предложу ему стать моим младшим партнером. Но никакой свадьбы не будет, если ты, дорогая, не захочешь. И об этом он тоже знает. Если этот человек тебе придется не по душе, я его пошлю куда подальше и поищу кого-нибудь другого, там же, на востоке. Ты меня поняла? Я тебя ни к чему не принуждаю.

Девушка вся сжалась – и от этих слов, и от все подавляющего присутствия отца. Сколько Келли себя помнила, она всегда уступала его воле.

– Да, конечно, папа, – едва слышно прошептала она. – Только объясни, зачем вообще выписывать для меня мужа?

– Затем, что для здешних мужчин ты слишком утонченная и слишком разборчивая! – Суровый взгляд Большого Джима смягчился, и он с нежностью потрепал дочь по плечу. – Мышонок, я же хочу тебе только добра. Семейного счастья. Чтобы у тебя был хороший муж, дети. Не знаю, правда, почему тебе обязательно нужен городской парень. С тех пор как мы сюда приехали, я встречал немало симпатичных молодых ребят. Настоящих мужчин.

– Кого это? Золотоискателей и всяких бродяг? Фермеров, от которых пахнет навозом? Или, может, картежников и содержателей салунов?

– А как насчет Ральфа Дрисколла, нашего нового банкира? Скажи только, радость моя, – и я ему закину словечко.

– Мне он не очень понравился.

Келли вскинула голову, как бы отменяя кандидатуру Ральфа Дрисколла напрочь. На самом деле он казался ей наиболее привлекательным мужчиной в Дарк-Крике. Уже в возрасте, очень красив, немного резкой грубоватой красотой, и воспитан лучше многих мужчин в городе. Но однажды Келли шла по улице, тяжело опираясь на палку, и увидела, как Ральф наблюдал за ней, а потом быстро отвернулся с выражением жалости на лице.

Большой Джим не сводил с дочери вопрошающего взгляда.

– Не очень тебе понравился? Это еще почему? Келли никогда не умела лгать отцу.

– Ну а если бы даже и понравился? Я-то его точно не привлекаю. Он проходит мимо, будто я невидимка.

– Ну, так заговори с ним сама! Не молчи, как глупый мышонок. Поздоровайся с человеком.

Келли почувствовала, что лицо ее горит от стыда.

– Ну что ты, папа! Как я могу! С... с этим вот? – Она коснулась рукой бедра, которое так и не выправилось, несмотря на бесконечные упражнения и бесчисленные поездки к врачам. – Зачем ему такая... калека?

– Не понимаю, почему ты этого стесняешься! И не смей больше называть себя этим словом! Да, у тебя есть небольшой недостаток. Вот и все. Просто небольшой недостаток. Зато у тебя очень хорошенькое личико и острый ум. И ты столько всего знаешь, столько книг прочла. Любому мужчине должно быть лестно, если его увидят рядом с тобой. Мне это, во всяком случае, лестно.

Почему от его веры в нее Келли всегда чувствовала себя не лучше, а хуже? «Если люди относятся ко мне не так, как того хочется отцу, то это означает лишь, что я вовсе не такая замечательная женщина. Ну почему он не понимает этого?»

– Просто... просто я...

Джим одним движением руки отмел все, что она собиралась сказать.

– Миссис Эклэнд сказала мне, что ты не поедешь с нами в город встречать экипаж и собираешься остаться дома.

Келли заволновалась. Она не хотела говорить об этом заранее.

– Да. Мне тут надо еще кое-что доделать.

– Ну, уж дудки! Мистера Перкинса должна встречать вся семья. И особенно ты.

– Но... но, папа... Ты же знаешь... в городе я чувствую себя очень неловко.

– Да какого черта! Не хочу больше терпеть трусливую мышь вместо дочери. – Он ринулся к двери и широко распахнул ее. – Тем более что для этого нет никаких причин. Ты красивая девушка, тебе совершенно нечего стесняться. И твоя мать, Господь ее благослови, никогда не была стеснительной.

«Откуда тебе знать?» – печально подумала Келли. В присутствии отца мать всегда вела себя сдержанно, даже как-то смиренно. Маленькая, хрупкая женщина рядом с огромным мужчиной, который ее, несомненно, подавлял. Келли тяжело вздохнула. И сама она тоже привыкла подчиняться всем желаниям отца, потому что ничего другого не знала. И еще потому, что очень его любит.

– Когда мы едем в город?

– Вот и умница! Хорошая девочка! Уидди пригонит лошадь с повозкой к двум часам. Не забудь надеть свою лучшую шляпку. – Большой Джим улыбнулся и посмотрел на дочь с такой любовью, что ее сердце растаяло.

Однако когда звуки его шагов затихли на лестнице, Келли снова охватило отчаяние. Она долго стояла у окна, глядя на горы, окружавшие дом. Уже середина июня, а вершины все еще были покрыты снегом. Корабельные сосны на склонах казались угрюмыми и мрачными, даже в солнечный день; осины беспомощно дрожали под резкими порывами ветра. Одинокий ястреб черным пятном кружил на фоне холодного синего неба. «Господи, как здесь холодно, пусто, одиноко по сравнению с теплым и многолюдным Бостоном! Так же одиноко, как и у меня на сердце...» – вздохнула Келли, прошептав в пустоту:

– О, папочка, не нужен мне никакой муж.

Глава 2

Сколько Джейс Грир себя помнил, он всегда испытывал чувство неутолимого голода. Ко всему. К еде, к ласке, к деньгам. К семье и теплоте, уютному дому. Это чувство, никогда не покидавшее его, превратилось в постоянную тупую боль, подспудно глодавшую его, заполнявшую все его дни и беспокоившую его даже по ночам.

Конечно, нельзя сказать, что он ничего не мог добиться. Уж постоять за себя молодой человек еще как мог. В свои двадцать семь лет он столько всего повидал, что теперь его ничто не пугало. Джейс и голодал, и замерзал, и обманывал, и подтасовывал карты, даже воровал и попрошайничал. Но бывали времена, когда в его карманах деньжонки водились. Он трясся в лихорадке и умирал от дизентерии в лагере для военнопленных мятежников, но каждое утро вставал, независимо насвистывая сквозь зубы. Такова жизнь, и Джейс Грир знал: либо ты ее, либо она тебя.

Правда, последние пять лет, с тех пор как закончилась война, никак нельзя назвать самыми плохими в его жизни. Шампанское и устрицы в ресторанах Нью-Йорка, лучшие шлюхи, каких только можно найти в борделях Балтимора, и небывалое, чертовское везение за бесчисленными игорными столами от Филадельфии до Нового Орлеана.

А время от времени еще и какое-нибудь верное, беспроектное дельце, позволявшее разжиться золотишком. Но ему все не хватало.

Джейс вздохнул. Казалось, что он каждой своей клеточкой ощущал деньги, набитые в пояс под рубашкой, – толстые пачки маленьких бумажек из небольшого банка в окрестностях Сент-Луиса. Пять тысяч долларов. Его будущее. Эти хрустящие банкноты позволят ему попытаться счастья в Колорадо, где – кто знает? – возможно, его ждут залежи серебра или золота.

Он постарался, как следует замести за собой следы. Сбрил усы и баки, назвался другим именем, когда заказывал билет до Денвера. Мистер Джонсон. Неприметное, простое имя. Пинкертонам его не выследить. А братьев Вагстафф он оставил мертвецки пьяными в Чикаго. Наверняка прошло не меньше двух дней, пока эти громилы проспались и обнаружили, что он сбежал.

Но почему же тогда ему не по себе? Почему гложет такая тревога, что хочется выпрыгнуть из собственной кожи? Черт! Неужели в нем просыпается совесть?

Джейс беззвучно выругался: его снова сильно подбросило, так, что он отлетел на противоположную часть твердого сиденья, набитого конским волосом. Все это уже порядком осточертело. С тех пор как они выехали из Денвера и направились вдоль Скалистых гор, экипаж постоянно трясло и швыряло. Они только один раз остановились на полчаса – поесть и поменять мулов.

Джейс бросил взгляд на соседа. Тощий, долговязый, с простодушным лицом и глазами испуганного оленя. Сразу видно, городской парнишка привык к спокойной жизни. Когда экипаж свернул на эту крутую каменистую часть дороги, лицо его посерело и стало пепельным. Тонкие пальцы изящных, почти женских рук вцепились в оконную раму. «Слава Богу, хоть заткнулся, наконец, после трех дней бесконечной болтовни», – обрадовался Джейс, уже знавший все подробности жизни своего попугайчика, а некоторые успел услышать и не один раз.

– Возница говорит, меньше чем через час прибудем в Дарк-Крик, мистер Перкинс. Последняя часть пути пролегает по руслу ручья. Тряска скоро кончится, так что приедете на место в полном порядке. Ни один волосок из прически не выбьется.

Парень пригладил напояженные, зачесанные назад волосы и поморщился при виде жира, смешанного с дорожной пылью, на своей ладони.

– Ну и видок у меня, наверное. – Взгляд его упал на помятую соломенную шляпу, лежавшую рядом. – Посмотрите! Шляпа вся смялась. Что подумают обо мне Саутгейты! Мне кажется, мои внутренности никогда не вернутся на место.

– Ничего, выживете. Завтра в это время будете уже стоять за прилавком в магазине своего нового хозяина, и очаровывать добропорядочных жителей Дарк-Крика.

Три дня назад Хорэс Перкинс выглядел так, будто отправлялся на котильон. Весь накрахмаленный и чистенький, без единого пятнышка. А сейчас... плащ помят, на воротничке пятна от пота, сапоги забрызганы грязью.

Только полный идиот и чопорный дуралей мог одеться так, будто едет в большой город, тогда как на самом деле отправлялся в маленький горняцкий городок. И все же... наверное, какие-то мозги у парня есть, если этот Саутгейт нанял его на работу только по письменным рекомендациям старого приятеля, да еще на должность управляющего магазином, ни больше, ни меньше. Перкинс даже заикнулся о перспективе стать младшим партнером.

– Вряд ли хозяева могут ожидать, что вы будете выглядеть свеженьким после такого путешествия, мистер Перкинс.

– О Господи! Мне так хотелось произвести хорошее впечатление. Если бы они меня не встречали в городе, я бы мог найти какой-нибудь отель и переодеться. – На лице Хорэса появилась неуверенная улыбка. – Как вы думаете, возница не захочет остановиться?

В этот момент экипаж въехал в борозду. Поднялась густая туча едкой пыли, которая тут же заполнила весь экипаж. Сукин сын! Джейс закашлялся. Он только что собрался закурить хорошую сигару. Но в такой пыли и тряске это будет не удовольствие, а скорее мучение. Если только... Он улыбнулся.

– А почему бы ему и в самом деле не остановиться, мистер Перкинс? Думаю, что смогу вам это устроить.

Молодой человек просиял:

– Это было бы просто чудесно, мистер Джонсон!

Джейс стащил с головы выдавшую виды фетровую шляпу, высунулся в окно и постарался перекричать грохот колес:

– Эй! Мистер Перкинс просит остановиться, сэр! Возница заорал на мулов и щелкнул кнутом, чтобы не теряли скорость – десять миль в час. Потом, не оборачиваясь, сделал неприличный жест рукой в перчатке.

– Ах ты, сукин сын! – Джейс откинул назад спутанные черные волосы.

Теперь ему еще сильнее захотелось выкурить эту сигару. Но ругаться на возницу бесполезно. Тот и внимания не обратит. Нужно придумать что-нибудь получше.

Джейс высунулся из окна по плечи и, крепко ухватившись руками за наружную раму двери, выбросил туловище из окна. Он услышал испуганный возглас Перкинса. Ветер подхватил и унес его слова.

Джейс усмехнулся и начал осторожно взбираться на крышу экипажа. Затем перекинул ногу через перила, подтянулся и оказался на горе грузов, переправляемых из Денвера. Снова остановился на мгновение – теперь для того, чтобы полюбоваться окружающей красотой. У него дыхание перехватило от величия просторов.

Джейс снова вспомнил о сигаре. Прополз по крыше и, устроившись на коробке за спиной у возницы, ухмыльнулся при виде его испуганного лица.

– Так как насчет остановки, сэр?

– Ты что, совсем спятил? – Возница смотрел на него, как на привидение.

– Я нет. Но вот мистеру Перкинсу нужно переодеться перед прибытием в Дарк – Крик.

– Пусть твой мистер Перкинс катится к черту! И ты вместе с ним! У меня расписание!

Джейс улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой.

– Всего десять минут. Ну что от этого изменится? У вас уйдет гораздо больше времени на то, чтобы собрать мулов – я имею в виду, если кто-то сейчас спрыгнет и перережет поводья.

– Пресвятая Дева Мария! – Возница, сверкнув глазами, схватился за ружье, лежавшее рядом. – И какому же дураку это может взбрести в голову?

Джейс откинул полы пиджака и показал кобуру с маленьким пистолетом, рукоятку которого украшала жемчужина.

– Только не мне. Уверяю вас, сэр, мне это вовсе ни к чему.

– Ах ты, гаденыш! Без головы захотел остаться? – Лицо Джейса исказила злобная гримаса, а в глазах мелькнули искорки радостного предвкушения игры: кто кого. Он был уверен в том, что возница не рискнет стрелять, несмотря на все угрозы.

– У меня нет никакого желания с вами ссориться, сэр. Возможно, мои объяснения убедят вас в этом. Мистер Перкинс должен встретиться со своим будущим работодателем, мистером Джеймсом Саутгейтом, и хочет выглядеть как можно лучше. Я слышал, что этот мистер Саутгейт не последний человек в Дарк-Крике.

Возница даже присвистнул.

– Большой Джим Саутгейт? Вот это да! Да у него самый большой магазин в городе! Он здесь всего несколько месяцев – и уже купается в роскоши.

Джейс прищелкнул языком.

– Да что вы говорите! Такая важная персона? Черт меня побери! Бьюсь об заклад, в один прекрасный день он станет мэром города.

– Это мне в голову не приходило. Но почему бы нет, если город разрастется настолько, что потребуется мэр.

– Да. Ну а теперь скажите, сэр, разве не лестно вам будет вспомнить когда –нибудь, что вы оказали любезность новому управляющему его магазина? На месте Большого Джима я был бы вам очень благодарен.

– Вы так думаете?

Соппротивление возницы было сломлено. Джейс уже ощущал вкус сигары во рту.

– Да я сам скажу об этом Саутгейту.

– Это чертовски любезно с вашей стороны. Всего десять минут, говорите? – Он нахмурился. – Нет, не могу. Слишком хлопотно. Если этот слизняк решит переодеться, то мне придется развязывать багаж, всю эту чертову кучу, чтобы достать его вещи.

– Я помогу вам связать все снова, когда мы тронемся.

– Не знаю... У меня здесь платежная ведомость для горняцкого лагеря. Они очень злятся, когда я опаздываю.

– Да ерунда! Всего десять минут.

Возница колебался, не зная, как поступить. Потом указал кнутом на небольшую лужайку впереди у дороги, в тени деревьев.

– Вон там я остановлюсь. – И покачал головой, удивляясь самому себе. – Я, наверное, спятил. А ты, парень, кого хочешь, уговоришь.

«Знаю, – подумал Джейс. – Слава Богу, эта способность меня никогда еще не подводила».

– Вовсе нет, сэр. Просто вы оказались благоразумным человеком. – И добавил про себя: «Ну и заряженный пистолет тоже делу не повредил».

Сигара – лучшая, какая только нашлась в Денвере, – оказалась еще приятнее, чем он предвкушал. Запах дорогого табака появился в чистейшем горном воздухе. Да, ради этого стоило на полном ходу взбираться на крышу экипажа. Джейс с наслаждением затянулся, наблюдая за тем, как Перкинс достает из саквояжа клетчатый костюм и твердый круглый котелок в шляпной коробке.

«Для Нью-Йорка это вполне бы подошло, здесь же будет выглядеть просто нелепо», – подумал Джейс и посмотрел на свой поношенный сюртук и брюки. До того как подвернулось

это дельце с банком, им с братьями Вагстафф долго не везло. А затем пришлось бежать из Чикаго, и уже не было времени приодеться. В его обшарпанном чемодане лежала смена фланелевого нижнего белья и пара рубашек. Да еще «кольт» с двойным дулом и роскошная кобура, которую Джейс купил себе в качестве подарка, после того как обчистил того олуха в Омахе.

Да и на черта ему новый костюм! Перед тем как отправиться на разработки, он купит себе хорошую лошадь и рабочую одежду. Да пару крепких ботинок взамен этих истоптанных туфель. Джейс любовно похлопал по толстой пачке банкнот на животе. Теперь он может себе это позволить.

Хорэс с глуповатой улыбкой держал костюм на вытянутых руках.

– Красивый, правда, мистер Джонсон? Мистер Саутгейт оказался настолько великодушен, что выслал мне денег на дорогу. Пусть хозяин убедится, что они потрачены не зря.

Джейс кивнул.

– Вы там, в Дарк-Крике, всех убьете, это уж точно.

Он улыбнулся про себя. Придет зима, и все сорванцы будут бросаться снежками в эту дурацкую шляпу.

Перкинс снял плащ и сюртук. Взялся за подтяжки... и остановился в нерешительности.

– Мистер Джонсон, я...

Господи! Неужели он, как целомудренная девица в дешевой мелодраме, ждет, чтобы они отвернулись?

– Вы позволите... – Перкинс откашлялся. – Вы позволите мне в знак нашей дружбы кое-что вам показать?

Джейсу стало любопытно. А он-то думал, что после трех дней дороги узнал о болтливом попутчике все.

– Да, конечно, сэр.

Молодой человек наклонился к саквою и вынул небольшую фотографию.

– Семья Саутгейт. – Лицо его залилось краской смущения.

Джейс с интересом рассматривал снимок, внимательно изучая каждого члена семьи. Все они, видимо, старательно позировали фотографу. Большой Джим Саутгейт вполне оправдывает свое имя – просто гора какая-то, а не человек. Красивое волевое лицо. В молодости наверняка был буйном. Глава семьи очень понравился Джейсу.

Однако особое внимание Джейса привлекла женщина, стоявшая рядом с главой семьи. Красавица, с мягким печальным взглядом и великолепной фигурой. Полная грудь и тонкая-тонкая талия. Казалось, ее можно обхватить одной рукой. Женщина выглядела очень соблазнительной – и в то же время странно целомудренной, даже девственной.

Джейс вздохнул. Он давно уже имел дело только со шлюхами.

– Миссис Саутгейт?

– Мисс Саутгейт. Калифорния Саутгейт. Дочь Большого Джима.

– Она очаровательна. – «И выглядит вполне зрелой», – отметил про себя Джейс. – Я так понимаю, ее отец о вас очень высокого мнения. Деньги на дорогу прислал, и все такое. Может, прочит вас в зятя? – Он усмехнулся и подмигнул парню.

Мистер Перкинс снова побагровел от смущения и стал расстегивать ворот рубашки.

– Вообще-то... Я не вправе пока говорить об этом открыто, но... Да, я надеюсь...

– Эй, вы там! Поторапливайтесь! – крикнул возница, нервно расхаживая возле экипажа. – Иначе придется мчаться изо всех сил по грязи, чтобы поспеть вовремя. Горняки с меня голову снимут. – Он, нахмурившись, взглянул на затягивающееся облаками небо. – А если еще пойдет дождь...

Последние его слова потерялись в оглушительном грохоте оружейных выстрелов. Возница громко вскрикнул и повалился на траву; по спине его расплзлось большое красное пятно.

Одним прыжком Джейс оказался в тени деревьев и выхватил из кобуры пистолет. На них мчались трое всадников в масках. Джейс услышал свист пуль над головой, затем крик Перкинса за спиной и умудрился выстрелить в одного из нападавших, но промахнулся. А через мгновение почувствовал, будто что-то взорвалось у него в голове, и со стоном упал. Как в тумане, Джейс видел, что всадники спешили и направились к экипажу. Он лежал неподвижно, и все еще сжимал пистолет, однако больше не собирался стрелять: даже в полубоморочном состоянии инстинкт самосохранения не покидал его. В данный момент лучше сыграть роль покойника, чем героя.

Человек в маске взобрался наверх экипажа. Не обращая внимания на багаж и прочие вещи, он отвязал небольшой железный ящик и передал вниз. В то время как один из его подельников привязывал ящик к спине коня, другой бандит ударом ноги перевернул возницу на спину и стал обшаривать его карманы.

– Какого дьявола! – крикнул тот, что наверху; маска на лице заглушала его голос. – Что ты там делаешь? Мы здесь не для этого.

– Пошел ты! – И с торжествующим криком достал золотые часы возницы и опустил в свой карман.

Затем, очень довольный собой, уверенным шагом направился к Джейсу.

Джейс застыл. «Будь я проклят, если этот подонок доберется до моих денег!» Из-под опущенных ресниц раненый наблюдал за тем, как хищник, пошатываясь, подошел к нему, убрал пистолет в кобуру и сел рядом на корточки. Глаза его над маской казались узкими щелочками, на руке, потянувшейся к карманам Джейса, багровел странный, словно петляющий, шрам.

Затаив дыхание Джейс ждал, пока бандит наклонится совсем низко. Потом быстро представил пистолет к его груди и нажал на курок. Грабитель вздрогнул и мешком свалился на него. Джейс оттолкнул его тяжелое тело, с трудом приподнялся и встал на колени. Если потопиться, то можно справиться и с теми двумя.

Увы, поздно. Он услышал за спиной громкий крик и тут же почувствовал удары сапогом по ребрам. Из глаз посыпались искры, затем все вокруг потемнело, и наступила тишина.

* * *

Когда он, наконец, открыл глаза, по крутым склонам каньона уже ползли тени. В овраге сгущались сумерки. Поднялся резкий ветер. Голова и ребра нестерпимо болели. Джейс чуть приподнялся, попробовал вдохнуть, но поморщился от боли. Если ему не переломали все кости, это будет настоящее чудо. Он осторожно коснулся пальцами виска. Нашупал вмятину, лохмотья кожи. Похоже, пуля только задела череп.

– Все как обычно, старина Джейс, – пробормотал он сквозь зубы. – Везет тебе, сукин ты сын!

Однако надо перевязать рану хотя бы носовым платком, до тех пор, пока не удастся ее заштопать. Джейс потянулся к карману жилета.

– Ах, черт!

Жилет оказался разорван. Рубашка тоже. Толстая пачка денег, гревшая ему душу всю дорогу от Чикаго, исчезла. В отчаянии он повалился на траву. Однако через несколько минут взглянул на синее небо и рассмеялся.

– Боже правый, ты меня испытываешь, да? Интересные же у тебя способы. Ну, ничего, я и раньше попадал в переплеты.

Джейс нашел носовой платок и крепко-накрепко обвязал голову. Боль немного утихла. Пистолет лежал рядом, под рукой. Грабители, видно, его не заметили.

Джейс встал и увидел Перкинса. Половина лица снесена. Бедняга! Карманы вывернуты наизнанку. Тоже обчистили.

Джейс выругался сквозь зубы. Ни одного паршивого никеля, даже на то, чтобы купить пива, если удастся добраться до города. Он похромал к экипажу. Возница лежал рядом, мертвый.

Мулы в упряжке нетерпеливо переступали с ноги на ногу. До города осталось меньше часа. В таком состоянии он вряд ли сможет добраться туда пешком. Но...

Джейс постарался собраться с мыслями и выработать какой-нибудь план. При столь ограниченных возможностях выбора это оказалось совсем нетрудно. Сволочи грабители об этом позаботились. На самом деле, если задуматься, это просто подарок судьбы. Ведь Джейс Грир ехал на Запад, чтобы честно начать новую жизнь...

С огромным усилием он взобрался на место возницы, дополз по крыше экипажа до своего чемодана, покопался в вещах, нащупал на дне револьвер и кобуру и бросил их на землю рядом с пистолетом.

Спуститься вниз оказалось легче. Он обхватил себя покрепче руками, чтобы защитить рёбра при толчке, и прыгнул на землю. Затем отнес пистолеты к саквою Перкинса и спрятал на дне, под рубашками.

Клетчатый костюм убитого попутчика был совсем новенький. Брюки и рукава пиджака лишь чуть-чуть коротковаты. «Я, наверное, выгляжу как человек, который просто не умеет выбирать себе одежду. Но никто не заметит, что все это с чужого плеча», – подумал Грир. Он закрыл саквояж и отнес его в экипаж вместе со шляпной коробкой. Но самым трудным, оказалось, втащить трупы в экипаж и бросить на сиденье. Ребра разламывались от боли, Джейс вспотел от слабости и головокружения.

– Ах, черт! – Он заметил брызги крови на клетчатом пиджаке и неожиданно для самого себя усмехнулся: Перкинс выразился бы совсем не так.

И уже хотел сесть в экипаж, когда заметил фотографию семьи Саутгейт, которую выронил Перкинс. Джейс поднял ее и внимательно рассмотрел. Пальцы прошли по изображению пышного тела женщины, почти ощущая его мягкие изгибы. Джейс Грир сухо рассмеялся.

– Калифорния, дорогуша, привет! Ну что же, встречай своего Хорэса Перкинса.

Глава 3

Келли закрыла книгу и, нахмурившись, посмотрела на сестру.

Бет стояла, прислонившись к столбу перед салуном на другой стороне улицы. Открыв рот, она в изумлении наблюдала за женщиной с сигаретой в руках, которая только что вышла из салуна, закурила и, взглянув на девочку, подмигнула ей.

Келли поджала губы. Какая накрашенная! Ярко-красное платье с низким вырезом бесстыдно открывает почти всю грудь, а короткая юбка едва прикрывает колени.

– Бет! Сядь рядом со мной. На солнце становится слишком жарко.

Несколько прохожих обернулись на ее резкий крик. Смутьившись оттого, что привлекла к себе внимание, Келли опустила глаза.

Бет перебежала пыльную Франт-стрит, плюхнулась на деревянный стул под навесом здания, в котором размещался помощник шерифа.

Бет надула губы.

– Сейчас совсем не так жарко. Уже больше пяти часов. Надоело сидеть. – Она указала рукой в конец улицы, на большое деревянное здание с вывеской: «Промышленные товары и продукты». – Ну почему мне нельзя пойти в папин магазин?

– Не показывай пальцем, это не пристало молодой леди. Я не хочу, чтобы ты мешала работать приказчику.

Бет снова надулась.

– Мне нравится Билли Ди.

– Мне тоже, но только когда он трезв.

Келли никак не могла понять, с какой стати Большой Джим нанял в качестве приказчика и сторожа этого старого опустившегося пьянчугу. В бостонском магазине всегда работали воспитанные, приличные люди. Но у Большого Джима просто страсть к таким вот спившимся бродягам.

– Ой, тоска, какая! – Бет сдвинула шляпку назад. – Папа уже, сколько времени в салуне. У него, наверное, тоже испортится аппетит перед ужином. Не понимаю, почему и мы не можем зайти туда.

– О чем ты говоришь! Салун не место для молодых леди. А тебе бы следовало помолиться о том, чтобы наш папа отказался от своих дурных привычек.

– Я все-таки не понимаю, почему мы должны сидеть здесь, когда в городе есть столько интересного, что можно посмотреть?

– Да уж! – Келли с презрительной гримасой смотрела на длинную пыльную улицу.

Дарк-Крик – типичный горняцкий городок, таких на пути из Денвера им встречалось множество. Когда-то, возможно, здесь был прекрасный вид, во времена первых старателей, разрывавших песчаные холмы в поисках золота. Безмятежные сельские пейзажи исчезли. На их месте появились грохочущие камнедробилки, горы шлака, вырванная с корнем трава, узкие овраги, заваленные отбросами. Все деревья на холмах вырублены, склоны пестрят дырами прорытых шахт.

Кроме самого большого магазина, принадлежавшего Большому Джиму, в городе было еще два торговых заведения – скромных размеров, однако с громкими названиями: «Салон одежды для джентльменов» и «Империя Хауптмана». В Дарк – Крике имелся также отель с рестораном и с полдюжины обшарпанных ночлежек. Ну и конечно, множество салунов, развлекательных заведений и борделей.

Для Келли давно уже не являлось тайной то, чем занимаются в борделях. Мама была с ней на редкость откровенна. Более того, Келли не раз просыпалась по ночам от хриплых

криков и стонов, доносившихся из родительской спальни. У нее сложилось впечатление, что мама лишь со стоическим терпением переносила непомерную похотливость своего мужа.

Однако в Бостоне эти жуткие заведения были, как бы скрыты от взглядов добропорядочных людей, поскольку находились в отдаленных и самых захудалых районах. Здесь же, на Франт-стрит, можно было встретить полуграмотных горняков, бездомных бродяг в лохмотьях и явных авантюристов, мошенников и шулеров, по несколько раз за день наживавших и терявших огромные состояния.

Келли с вздохом перевела взгляд на большую полотняную палатку с нарисованным на ней крестом, стоящую в конце улицы. Единственная церковь в Дарк-Крике. Казалось, она лишней раз подчеркивала грубость и варварство, творившиеся на этих территориях. Камнедробильные машины громыкали и ревели двадцать четыре часа в сутки, даже по воскресеньям. Бордели и салуны тоже не закрывались круглые сутки. Однако у людей, способных потратить целое состояние золотом за одну ночь, не нашлось денег для того, чтобы построить настоящую церковь.

Нет, это совсем не похоже на Бостон. Келли поправила оборки на переднике Бет, недоумевая, как сестренке может здесь нравиться.

Большой Джим с широкой улыбкой на лице вышел из салуна.

– Ну, как тут мои девочки? Терпение еще не потеряли?

– Хорошо, что мы оставили Сиси с миссис Эклэнд, – ответила Келли.

Большой Джим заглянул в окно помощника шерифа.

– Хэпуорт! Куда подевался этот чертов экипаж? Через несколько минут мистер Хэпуорт вышел на крыльцо. Он все еще выглядел фермером, каким и был до приезда сюда. Такому маленькому городку, как Дарк-Крик, шериф не полагался.

– Откуда мне знать, Большой Джим, – протянул он с улыбкой. – Зеке никогда так не задерживался. Могу побиться об заклад, горняки скоро начнут вопить и требовать свою зарплату.

– Но он опаздывает уже больше чем на два часа, парень. Тебя что, это совсем не волнует? Темным от загара пальцем Хэпуорт сдвинул на затылок свою широкополую шляпу.

– Может, мне поехать навстречу, посмотреть, что там случилось? Дождей у нас в последнее время не было, так что дорога не затоплена. Но может быть...

Он не успел договорить, как в конце улицы раздался крик. Тяжелый красный экипаж показался вдаль и теперь спускался по дороге по направлению к городу. Мулы обливались потом и едва не падали от изнеможения. Казалось, экипаж был неуправляемым.

– Какого черта! – пророкотал Большой Джим и выбежал на дорогу. Хэпуорт за ним.

– Черт побери! Пресвятые угодники! Это не Зеке!

Встревоженная Келли поднялась с места, взяла трость, подошла к краю тротуара и крепкохватила за плечи Бет, чтобы та не убежала вслед за мужчинами.

Хэпуорт отчаянно замахал руками. Человек, сидевший на козлах, натянул поводья, и экипаж остановился, поднимая тучи пыли.

Келли с любопытством разглядывала того, кто сидел на месте возницы. Молодое красивое лицо, изящный орлиный нос и пронизательный взгляд. Но вот шляпа, надвинутая на самый лоб, смотрится нелепо. А этот клетчатый костюм! Брюки коротковаты, пиджак узок в плечах... выглядит просто отвратительно. В таком виде его можно принять за напыщенного болвана, если бы не кровь на лице, на воротничке и на пиджаке...

Молодой человек попытался улыбнуться, однако лицо его исказила гримаса боли.

– Вы, наверное, и есть Большой Джим. – Протянув фотографию, он подался вперед и едва не упал с козел.

Джим Саутгейт и мистер Хэпуорт кинулись к экипажу и помогли ему спуститься. Они почти донесли приехавшего к дощатому тротуару и усадили на стул. Дрожащей рукой он стянул с себя котелок, и все увидели, что голова его обвязана окровавленным носовым платком.

– Боже!

Келли наклонилась к нему, забыв свою обычную застенчивость.

– Бет, сбегай в отель и принеси стакан воды.

Раненый поднял на нее глаза. Ясные, голубые, теплые и дружелюбные. Однако Келли показалось, будто в глубине этих глаз сверкнул какой-то дьявольский огонек. Он презрительно фыркнул:

– Воды?!

Келли остолбенела.

– А вы чего ожидали, сэр?

Нет, она, конечно, ошиблась. Никакого дьявольского огонька не было. Он отвел взгляд и начал нервно тереть рукав пиджака.

– П-п-простите, мэм... – От его резкого, слишком высокого голоса у Келли даже в ушах зазвенело. – Прошу прощения, но, если это не слишком оскорбит ваши чувства... ах ты черт! там, под сиденьем, есть бутылка виски. Только один – единственный глоток. В медицинских целях, сами понимаете.

Большой Джим ласково подтолкнул Бет.

– Позаботься об этом, малышка, и побыстрее. Мистер Перкинс, похоже, попал в серьезную переделку. – Он обернулся к молодому человеку, слегка приподняв брови. – Вы ведь мистер Перкинс, так?

Тот смущенно кивнул.

– Да. Я надеялся встретиться с вами при других обстоятельствах, но... такая уж моя судьба. Я думал, не доберусь до города.

– Где Зеке? – спросил Хэпуорт.

Подбежала Бет и протянула мистеру Перкинсу бутылку виски. Он осторожно сделал глоток, нарочито изысканным жестом оттопырив мизинец, и поперхнулся:

– Господи! Какое крепкое! – Затем с видимым усилием сделал еще глоток и посмотрел на Хэпуорта: – Вы имеете в виду возницу, шериф? – И благочестиво возвел глаза к небу. – Создатель призвал к себе его бедную душу. Он лежит в экипаже. На нас напали бандиты в масках.

Мистер Хэпуорт выругался:

– Ах, подонки! Трусы! Мерзавцы! Зеке был моим другом. Вас заставили убраться с дороги?

– Нет, мы оказались легкой добычей. Моему попутчику захотелось выйти и окунуться в ручье. Зеке любезно пошел ему навстречу. Грабители застали нас врасплох, пока мы отдыхали. Наверное, хотели захватить платежную ведомость, о которой говорил Зеке. Они больше ничего не взяли, только выгребли мелочь из наших карманов.

– Похоже на то, что это спектакль, – взревел Большой Джим. – Заранее подготовленная засада.

– Не думаю, сэр. Мы остановились совершенно случайно. И тот, мой попутчик, он тоже в экипаже. Убит. Некий мистер Джонсон, упокой Господи его душу.

– А как получилось, что вы сами остались живы, молодой человек?

В голосе Хэпуорта зазвучало подозрение.

– Только Божией милостью. – Перкинс дотронулся до головы. – В меня выстрелили, и я притворился мертвым. Потом один из них подошел ко мне за... В общем, бандиты увидели, что я еще жив, стали бить меня ногами до бесчувствия. А потом, видимо, решили, что я умер.

– Их лица вы не разглядели?

– Нет, они были в масках, из носовых платков. – Он сделал большой глоток виски, Келли обратила внимание, что на этот раз раненый не поперхнулся.

К этому времени на дороге собралась толпа зевак. Всем хотелось слышать рассказ мистера Перкинса в подробностях. Из толпы доносились бормотание, глухие реплики и проклятия по поводу платежной ведомости и смерти Зеке, к которому, как оказалось, все здесь хорошо относились.

Хэпуорт обернулся к толпе:

– Эй, вы! Нечего тут стоять без дела! Отнесите убитых к гробовщику. Городские власти оплатят похороны. У Зеке нет родственников.

Джейс поднял глаза на Келли.

– Вам бы лучше отвернуться, мисс Саутгейт. Мистер Джонсон не совсем одет, и, потом, у него ужасная рана. Боже, я чуть в обморок не упал, когда это увидел.

Он театрально прижал руку к груди, и кто-то из зевак громко засмеялся.

Келли закусила губу. Если в Балтиморе это считается хорошим тоном, они там, наверное, воспитывают трусливых сосунков. Сама мысль о том, что отец потратил столько денег, чтобы заполучить это бледное подобие мужчины, показалась ей унижительной.

– Мне приходилось видеть кровь, мистер Перкинс. И вид этого человека меня не смутит, если только он не раздет догола.

Он окинул ее восхищенным взглядом.

– О, мэм, какое у вас чистое и великодушное сердце!

Келли стало не по себе. Уж не издевается ли приезжий над ней? Ей захотелось бежать отсюда, бежать из этого города, от этой толпы, от этого будоражащего душу взгляда, противоречащего неестественной интонации и чопорным словам, которые произносил мужчина.

Он, казалось, не заметил ее смятения и обратился к Хэпуорту:

– Мистер Джонсон снял с себя плащ и пиджак. Кажется, я оставил их там, на лужайке, когда понес тела к экипажу. Но беднягу надо похоронить, как полагается.

– Мы это уладим, – успокоил его помощник шерифа.

– Вы серьезно ранены, Хорэс? – с участием спросил Большой Джим.

– Не сочтите это дерзостью с моей стороны, мистер Саутгейт, – неуверенно начал он, – но мне никогда не нравилось имя... Хорэс. Мое... второе имя – Джейсон. Друзья называют меня Джейс. А что касается ран, я думаю, пуля только задела голову. Но вот бока... Они меня били по ребрам. Наверное, некоторые сломаны.

– Что тут происходит? Неужели я все пропустил? Долговязый, неуклюжий юнец, слегка покачиваясь, продирался сквозь толпу. От него пахло спиртным, глаза казались остекленевшими.

Келли, нахмурившись, смотрела на брата. Ну почему, почему папа не хочет видеть, что творится с его сыном в этих диких местах!

Большой Джим знаком подозвал Уидди. Вдвоем они поставили Джейсона на ноги, и повели, поддерживая с обеих сторон. Келли была поражена тем, что мистер Перкинс оказался даже выше Большого Джима, хотя и ежился от боли.

Он сделал осторожный шаг, застонал и пробормотал какое-то ругательство. Заметив, что Келли наблюдает за ним, глуповато улыбнулся.

– Какая досада, мисс Саутгейт! Мне так хотелось произвести хорошее впечатление на вашу семью.

«Да уж, впечатление вы произвели, – подумала она. – Мистер Купер, наверное, страдал старческим слабоумием перед смертью».

Раздался грохочущий смех Большого Джима.

– Если вы в таком состоянии сумели донести тела к экипажу, а потом еще доехать до города, то на меня вы уже произвели впечатление, мистер Перкинс, можете не сомневаться.

– Господи, Боже правый, а что же мне еще оставалось делать? Не мог же я оставить этих бедняг на съедение хищникам!

Нет, ее сейчас стошнит от этой показной скромности! Келли смущенно огляделась. Наверняка все вокруг уже заподозрили, что папа вызвал этого недоумка в качестве жениха для нее. Девушка почувствовала, что сгорает от стыда.

– Мышонок, забирай Бет, и поезжайте домой. Кто-нибудь привезет нас, после того как заштопают Джейса. И приготовь для него свою комнату.

Келли стиснула зубы, сдерживая глухое сопротивление. Смотрите-ка, для отца он уже Джейс! Как старый добрый друг. И теперь она должна отдать ему свою комнату, этому... ничтожеству! Ее спальня – самая элегантная во всем доме, там столько дорогих ей вещей из Бостона.

Келли набралась смелости:

– Но, папа...

– Не вздумай спорить со мной, девочка!

Она вся съежилась. Теперь все кругом, наверное, смеются над дочерью Большого Джима. Над калекой, слабой и телом и духом.

Глаза Перкинса потеплели. Что это, сочувствие или жалость?

– Я и помыслить не могу о том, чтобы изгнать вас из вашей комнаты, мисс Саутгейт.

Голос его, изменившийся до глубокого баритона, звучал почти искренне.

Но ей не нужна жалость! Тем более его! Келли постаралась не показать своей обиды на Большого Джима. Ничего плохого он не имел в виду, просто все его просьбы звучат угрожающе, как приказы.

– Не спорьте, мистер Перкинс. Вам нужна удобная комната для того, чтобы поскорее поправиться.

– В таком случае, мисс Саутгейт, для меня нет ничего более приятного, чем спать в вашей постели.

Он улыбнулся, в глазах снова мелькнули дьявольские искорки.

Глава 4

Келли остановилась на пороге своей комнаты, поставила на пол кувшин с теплой водой и в растерянности смотрела на свою кровать. Как получилось, что она позволила Большому Джиму запугать себя до такой степени? Как могла попасть в такое нелепое положение?

Вчера за ужином Большой Джим без устали расхваливал Джейса, его силу и то, как мужественно он себя вел на приеме у врача. Два сломанных ребра, с десятков швов на голове, множество синяков и ссадин. Человека послабее это могло бы просто погубить. Не оставалось сомнений в том, что Большой Джим уже принял решение: мистер Перкинс будет подходящим мужем для Келли. А чувства старшей дочери, похоже, отца совершенно не интересуют.

Келли тяжело вздохнула. Слава Богу, что раненый еще спит... Ей совсем не хочется с ним разговаривать. Вот сейчас быстренько захватит книгу, которую оставила на ночном столике, поднимется наверх в свободную комнату, умоется на ночь и ляжет в кровать, а перед сном почитает.

Комната едва освещалась слабым светом керосиновой лампы. Келли на цыпочках прошла к ночному столику, болезненно ощущая стук палки об пол. Леди не полагается находиться в одной комнате со спящим мужчиной. И уж тем более с таким молодым и красивым. Келли старалась не смотреть на него, но не смогла удержаться.

Она еще никогда в жизни не видела обнаженного мужского тела. От одного его вида по коже пробежали мурашки; это ощущение оказалось странным и... приятным.

Широко раскинув руки, Джейс лежал на постели, отбросив одеяло до пояса. Обнаженный торс прикрыт лишь узкой повязкой, туго стянувшей ребра. Он оказался на удивление мускулистым мужчиной. Черные волосы на груди и под мышками придавали ему сходство с хищником. Каждая линия, каждый изгиб, казалось, дышали первозданной звериной силой. Манеры его чопорны и нелепы, а вот тело говорит совсем о другом. Если демонстративно – утонченные манеры отталкивали Келли, то это сильное тело вызывало какое-то новое, захватывающее ощущение... предвкушения. «Если он станет моим мужем, эти сильные руки сожмут меня в объятиях и заставят подчиниться всем его желаниям».

Врач наложил ему пластырь на рану и смыл кровь с лица. Но на высоких скулах и вокруг рта еще остались бурые подтеки. Чуть раскрытые губы чувственно вздрагивали при каждом его шумном вдохе и выдохе. Спутанные черные волосы блестели при свете лампы.

Да что же это она! Келли с трудом отвела взгляд от его лица. Уставилась так, будто никогда в жизни мужчину не видела! Решительно потянулась за книгой... и замерла на месте, с вытянутой рукой. Легкое похрапывание неожиданно прекратилось. Вся дрожь, Келли устремилась к двери, но услышала хриплый голос:

– Будьте так добры... Могу я попросить стакан воды? Келли нехотя вернулась к кровати. Графин и стакан с водой стояли на ночном столике. Она налила немного и поднесла стакан к его губам. Джейс приподнял голову, осторожно сделал глоток и откинулся на подушки.

– Как это любезно с вашей стороны, мисс Саутгейт.

Эту вежливую реплику сопровождал откровенно одобрительный взгляд. Он протянул руку и коснулся пальцами ее щеки.

– Вы еще красивее, чем на фотографии.

– Мистер Перкинс!

Он тут же опустил глаза. Его улыбка была показной и глуповатой.

– О Господи! Простите мне мою наивную откровенность, мэм. Я, наверное, не в себе. Я только что видел во сне ангелов. И вот появились вы. – Казалось, только в этот момент Джейс заметил, что почти обнажен, и натянул одеяло до самого подбородка. – Что вы должны были обо мне подумать!

– Не беспокойтесь, мистер Перкинс.

Надо же, какой неприятный человек! Не будет от него толку, ни в роли мужа, ни в роли управляющего магазином. Горняки съедят его живьем, если этот крупный мужчина будет вести себя в их присутствии как стыдливая девица.

– Вам уже лучше? – заставила себя спросить Келли.

– Трудно дышать, и у меня еще кружится голова. Но к утру, наверное, буду, голоден как волк. Надеюсь, ваша миссис Эклэнд хорошая повариха. Я люблю поесть.

Келли не могла себе представить, чтобы такой кривляка хоть что-то делал с удовольствием.

– Не сомневаюсь в том, что вы останетесь довольны. Здесь знают, как готовить для мужчин с хорошим аппетитом, – добавила она, не сумев скрыть своего презрения.

Больной, казалось, удивился и отвернулся, но тут же воскликнул:

– Боже мой! Вы только посмотрите на подушку! Неужели это моя кровь?

– Доктор протер вам лицо, только чтобы наложить швы. А такую роскошь, как няня или сиделка, мы здесь себе позволить не можем.

Несмотря на прозвучавший в ее голосе сарказм, мистер Перкинс как будто не заметил обидного тона. Потрогал свои щеки, и Келли заметила, что руки у него сильные и, судя по всему, ловкие, с длинными пальцами.

– Лицо у меня как подошва, – ноющим тоном пожаловался он. – Пыль и грязь, а теперь еще и кровь...

Келли заковыляла к двери, принесла кувшин и поставила на ночной столик.

– Вот теплая вода, можете умыться. – И подала тазик и полотенце.

От сознания, что мужчина беспрестанно наблюдает за ней, движения ее стали еще более неловкими, чем всегда. Скорее бы уйти отсюда.

– Я вас оставляю. Можете умываться.

Морщась от боли, он приподнялся на кровати. Келли едва не рассмеялась, глядя, как Джейс пытается сесть и в то же время прикрыться одеялом. Неловкие, суетливые движения, смущенный смешок. В конце концов, он откинулся на подушку с тяжелым вздохом.

– Ах ты, черт! Не могу. Миссис Саутгейт... не могли бы вы... Я позволю себе еще раз воспользоваться вашей добротой и попрошу вас умыть мне лицо.

Она вся вспыхнула при одной мысли об этом. Однако через секунду здравый смысл одержал верх над смущением. С какой стати стесняться этого маменькина сынка? Это же не мужчина, так чего же бояться? У ее эмансипированных приятельниц из Бостона гораздо больше смелости, чем у него.

Девушка пододвинула стул к кровати, села и прислонила палку к столу, но она упала на пол. Келли бросила взгляд на Джейса, хотя и боялась увидеть его реакцию. Он ответил понимающей улыбкой, и чувство унижения сразу прошло. Пусть этот неприятный тип и не мужчина, но сердце у него доброе.

Келли налила воды в тазик, окунула в воду уголок полотенца и стала смывать кровь с его лица.

– Папа сказал, что Зеке и мистера Джонсона похоронят завтра. – Келли надеялась, что разговор поможет ей избавиться от странного ощущения близости этого человека. – Еще папа говорит, что в багаже обнаружили лишний чемодан. Наверное, он принадлежал бедному мистеру Джонсону.

Он замер в напряжении.

– Надеюсь, вы не стали открывать мой чемодан? Вопрос прозвучал неожиданно резко. В голосе его чувствовалась тревога.

«Интересно, что прятать в чемодане такому человеку?» – подумала Келли.

– Конечно, нет. Вот ваши вещи. – И указала на саквояж и шляпную коробку в углу.

Он расслабился. Тишину нарушил его нервный смешок, высокий и резкий.

– Просто... Дело в том, что на некоторые личные вещи мужчины молодой леди смотреть не стоит. Я сам распакую саквояж, когда немного окрепну.

– Конечно-конечно. Папа говорит, чемодан Джонсона тщательно просмотрели, но не нашли ничего такого, что указывало бы на его личность. Даже телеграфировали на станцию, но так и не узнали, кто он такой и есть ли у него какие –нибудь родственники.

– Из того, что Джонсон рассказывал в пути, я понял, что он совсем один на белом свете. – Перкинс тяжело вздохнул. – Так же как и я.

Ах, какой скорбный вид! Теперь он, кажется, собирается впасть в сентиментальность.

– Еще папа сказал, если вам подойдут вещи мистера Джонсона, можете оставить их себе. Мы с миссис Экленд их постираем, починим и погладим. Ей уже удалось смыть пятна крови с вашего костюма, но рубашка, боюсь, испорчена навсегда.

– Вы все так добры ко мне! Какой приторно-сладкий голос!

– Папа вложил в вас немало денег, – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Ему совсем не хочется, чтобы они пропали даром. – Келли потянулась через его голову. – Сейчас положу вам свежую подушку, и можете спать до утра. Приподнимите-ка голову и плечи.

Он повинился, со стонами, морщась от боли. Однако когда Келли уже поменяла подушку, внезапно ухватился за ее плечи, чтобы сохранить равновесие. Келли попыталась вырваться, но Джейс не отпускал. Ощущая его крепкие горячие руки сквозь тонкий кашемир, она с трудом сглотнула слюну. Неужели мистер Перкинс сделал это намеренно?..

– Вам пора спать, – пролепетала Келли дрожащим голосом.

Рука его скользнула вниз и коснулась ее пальцев.

– Я не хочу спать. Пожалуйста, побудьте еще немного. Знаете, последние три дня я не разговаривал ни с кем. Бедный мистер Джонсон был не очень-то интересным собеседником.

Его голубые глаза были теплыми, как озера в солнечный полдень. Келли казалось, что она сейчас утонет в них, и, стряхнув с себя его руку, встала, горя благородным негодованием.

– Это нехорошо, мистер Перкинс... молодая леди в спальне мужчины.

Неожиданно он ухмыльнулся, отчего на щеке появилась ямочка.

– Но ведь это же ваша комната, мисс Саутгейт. А я лежу здесь совершенно беспомощный. Вы же не боитесь меня, правда?

Келли вздрогнула. Показалось ей это или из его смеющихся глаз снова выглянул дьявол? Однако в следующий же момент дьявольская усмешка – если только она ей не померещилась – сменилась глуповатой гримасой.

– Господи, мисс Саутгейт! Я и муху не могу обидеть.

У Келли появилось ощущение, будто она попала в ловушку, загнана в угол своими собственными глупыми страхами.

– Хорошо... Но только несколько минут, не больше. Он оглядел тускло освещенную спальню.

– Приятная комната. И хорошо обставлена. Мебель красивая. Ваш отец, видимо, очень состоятельный человек.

– А вы, судя по всему, наблюдательный человек, мистер Перкинс. И любите дорогие вещи. – «А иначе, с какой бы стати ему соглашаться на щедрое предложение папы», – подумала она. – Но это совсем не то, что моя прежняя комната, в Бостоне, – с горечью добавила она. – Я никогда не жила в таком грубо построенном доме.

– У вас нет никакой веры в будущее. А я уверен, что очень скоро ваш отец превратит этот дом в пример для всех горожан.

Келли недоверчиво фыркнула. Ничто никогда не сравнится с их элегантным домом на Бикон-стрит.

– Скажите, мисс Саутгейт, – услышала она его мягкий голос, – в вашем сердце совсем не осталось места надежде или оптимизму?

Келли опустила глаза, переплела пальцы рук. Она никогда не умела разговаривать с посторонними. Даже легкую беседу поддержать не могла. Обсуждение же личных тем вызывало такую неловкость, что ей хотелось только одного – бежать и поскорее спрятаться среди своих книг. Интересно, обидится ли мистер Перкинс, если она сейчас встанет и уйдет?

Наступило напряженное молчание.

– С вами произошел несчастный случай, мисс Саутгейт.

– Как, простите?

– Да вот, трость. Вы упали?

– Это у меня врожденное. Доктора так и не смогли установить причину.

Господи, и почему она вдруг так разоткровенничалась с незнакомым человеком?

– Значит, это у вас всю жизнь, с самого рождения! Какая жалость! – Голос его как-то странно изменился, стал мягким и глубоким, как будто сейчас говорил совершенно другой человек. – В детстве вы, наверно, чувствовали себя страшно одинокой.

Как смеет этот человек копаться в ее душе!

– У меня было достаточно друзей!

– Поэтому ваш отец и называет вас Мышонком? У Келли даже дыхание перехватило от гнева.

– Мистер Перкинс, вы заходите слишком далеко! Она потянулась за тростью.

Джейс издал какой-то нечленораздельный звук, видимо, означавший раскаяние.

– О, вы совершенно справедливо рассердились на меня, мисс Саутгейт. Куда делись мои хорошие манеры! Я понимаю, что это не оправдание, но прошу вас, мэм, примите мои извинения.

Казалось, он искренне раскаивается. Келли растерялась.

– Ну... я не знаю...

– Ой, как хорошо, что вы не спите! – Сестренка в дверях захлопала в ладоши от радости.

Келли осуждающе покачала головой.

– Бет, а ты, почему до сих пор не в постели? Девочка пробежала через всю комнату и плюхнулась на кровать рядом с Перкинсом.

– Мне хотелось сначала увидеть Хорэса. Келли широко раскрыла глаза.

– Во-первых, не Хорэса, а мистера Перкинса! Тот ухмыльнулся, глядя на Бет.

– Джейс вполне подойдет. Бет хихикнула.

– Папа сказал, что вы настоящий герой. Лопни мои глаза, я с ним согласна.

– Вся моя заслуга в том, что я выжил.

– Чепуха! По-моему, вы вот такой парень!

– Бет! Что за выражения! Да еще в присутствии нашего гостя. Что он о тебе подумает! – Келли тяжело вздохнула. – Если будешь продолжать так себя вести, ни один молодой человек не захочет иметь с тобой дело, когда ты вырастешь. Джейс расхохотался.

– Не думаю. Мне кажется, Бет станет красавицей. Просто само очарование. Все мужчины будут драться за нее.

Девочка просияла.

– И вы тоже? Вы подождете, пока я вырасту?

– Очень может быть.

Бет снова хихикнула, соскользнула с кровати и затанцевала по комнате. Остановилась возле комода, на котором лежал котелок Перкинса. Надела себе на голову, стала прихорашиваться перед зеркалом.

– Мне нравится ваш котелок.

– Правда? Можешь взять его себе. Я, наверное, куплю себе такую шляпу, какие носят на Западе. Чтобы быть похожим на этих... ну, вы знаете... – смущенно добавил он, – тех, что всегда на все готовы.

Келли едва не задохнулась. Господи, какой болван! Ну на что он-то может быть готов?

Однако Бет его слова привели в восторг.

– Вы будете классно выглядеть!

– Спасибо. – Он чуть наморщил лоб. – Бет – это уменьшительное от чего?

– Элизабет.

– Красивое имя. А Уидди?

– Его назвали Джеймс, в честь папы. Но папу называют Большой Джим, а его сначала называли «сын Джима» – Джимсон, потом – Джимсон-уид, знаете, как трава дурман. А потом просто Уидди. Мне очень нравится это имя, только брату оно не очень подходит.

– А тебе имя Бет нравится?

– А вы можете придумать что-нибудь получше?

– Я буду называть тебя Принцессой.

Бет рассмеялась и прикрыла лицо руками от смущения.

– О, Джейс!

Он весело рассмеялся в ответ:

– О, Принцесса!

Келли с завистью слушала их непринужденную болтовню. Сестренка так легко сходится с людьми. В то время как для нее, Келли, это невероятно трудно. Конечно, Бет еще ребенок. Легко поддается первому впечатлению.

Джейс будто почувствовал ее одиночество и ласково спросил:

– Мисс Саутгейт Кэлифорния. А это откуда?

– Вообще-то это вас не касается, так же как и мой возраст, но если хотите знать, я родилась в сорок восьмом году, когда начались поиски золота в Калифорнии. Отец всегда мечтал о приключениях. Если бы не мое рождение, он был бы в числе первых переселенцев на Запад.

– Но сейчас вы здесь.

– Да, – произнесла она все с той же горечью. – Едва кончился траур по маме, как отец сорвался с насиженного места и привез нас в эти Богом забытые края.

– Вы предпочитаете жизнь в городе? Келли встала.

– Я предпочитаю цивилизованный образ жизни.

– Ну, слава Богу! Значит, мы с вами прекрасно поладим.

Он снова улыбнулся, оглядев ее всю: от кончиков туфель до золотисто-рыжих локонов. Келли вздрогнула, заметив собственническое выражение, появившееся в этих глазах. Может быть, он уже представляет себе их супружескую жизнь?..

Не зная, что и думать, с чувством болезненной неловкости Келли вышла. Что ждет ее впереди?..

Глава 5

Морщась от боли, Джейс просунул руки в рукава клетчатого пиджака. Каждая мышца нестерпимо болела и ныла, а на грудь будто взгромоздили стол для игры в карты. Слава Богу, хоть пульсирующая боль в голове прошла.

Наверное, он слишком рано поднялся. Но после двух дней постельного режима, в полном одиночестве, если не считать миссис Эклэнд, он начал ощущать беспокойство. Хоть бы Бет пришла его навестить! Славная девчужка, но ей, видно, запретили его тревожить. Кэлифорния запретила, конечно.

Джейс выглянул в окно, выходящее на лужайку позади дома. Кэлифорния и Бет все еще сидят за столом, на котором разложены тетрадки. Хорошо, что сегодня утром удалось уговорить миссис Эклэнд переселить его из спальни Келли. Он и так ощущает себя полным идиотом, оттого что приходится играть роль Хорэса Перкинса.

Прищурившись, он посмотрел на себя в зеркало и провел рукой по зачесанным назад волосам. Пойти, что ли, окунуть голову в таз и смыть ароматическое масло погибшего Хорэса? И горло уже начинает саднить оттого, что он изо всех сил старается говорить неестественно высоким голосом. А вообще, какого черта! Они хотели получить джентльмена – вот пусть теперь радуются. Даже если его это, в конце концов, доведет до самоубийства.

Что же касается костюма Перкинса, то тут другое дело. Долго он в нем не выдержит. Утром Большой Джим заглянул к нему – Джейс завтракал в постели – и выдал двадцать долларов золотом. Аванс в счет зарплаты за первый месяц. Придется выдумать такую же историю, как со шляпой, – мол, хочет выглядеть на западный манер, – и купить себе новый костюм. А все остальное можно будет взять из чемодана мистера Джонсона.

В общем, события развиваются совсем неплохо. Отличное местечко, постоянная работа, в городе полно игорных домов, так что очень скоро можно занять кругленькую сумму. Конечно, придется вести себя осторожно: не забывать, что он Хорэс Перкинс. Но и это может пойти ему на пользу. Никому и в голову не придет заподозрить зеленого сосунка с востока в способности к карточным фокусам. А к тому времени, когда в городе поймут что к чему, Джейс Грир уже будет далеко, по другую сторону гор.

Ну а пока он здесь, дополнительной наградой ему будет эта женщина. Хороша, ничего не скажешь! Волосы как медь с золотом, зеленые глаза темнеют и меняются, как море в штормовую погоду. А тело... Руки так и чешутся. Она, правда, чересчур застенчива и напряжена, как струна. Но где-то в самой глубине, чувствуется, тлеет искра, которая готова вспыхнуть. Девушка, похоже, сама еще этого не создает.

Но Джейс с первого момента заметил и другое: враждебность Келли.

Но почему? Что он ей сделал? Ведь не рассчитывала же дочь стать партнером своего отца в магазине. Неужели Келли злится из-за того, что он занял ее место? Со слов миссис Эклэнд Джейс понял, что Кэлифорния очень редко бывает в городе, не говоря уже о магазине отца. Похоже, большую часть времени она проводит за книгами.

Да, эта девушка – настоящая загадка. Но он ее разгадает. Не было еще ни одного случая, чтобы женщина, приглянувшаяся Джейсу, ускользнула от него. На эту придется потратить, наверное, с месяц. Ничего, ему спешить некуда. А затяжная игра сделает победу еще слаще.

Ах, какая это будет захватывающая игра! Он даже засмеялся от удовольствия. Три дня, проведенные с этим дурачком Перкинсом, дали ему в руки готовый образ. Он теперь вроде актера, получившего сценарий, в котором расписаны все диалоги. Правда, пару раз – пока не вжился в роль – он сбился, но это вызвало подозрения только у одной Кэлифорнии. И потом, настоящему Перкинсу она тоже могла бы не доверять.

Прошлой ночью Джейс с трудом сдержал себя, чтобы не расхохотаться. Тихонько похрапывал, украдкой подсматривая за девушкой. А потом все-таки удалось уговорить ее умыться ему лицо. Келли наклонилась так близко... Он чуть не выдал себя. Едва сдержался, чтобы не впитаться в ее губы. Уж очень хотелось проверить, такие ли они сладкие на самом деле, какими кажутся.

Он снова выглянул в окно. Лужайка опустела. Приближался час обеда. Нахмурившись, Джейс взглянул на саквояж. Надо все-таки припрятать пистолеты, а то миссис Эклэнд, похоже, повсюду сует свой нос. Он положил пистолеты и кобуру в шляпную коробку Перкинса, подвинул к шкафу стул и встал на него.

– Что это вы делаете?

– Черт! – От неожиданности Джейс чуть не упал. Поставил коробку и, изобразив сладкую улыбку, обернулся к Бет. – Привет, Принцесса!

Она стояла в дверях в подаренном им котелке и указывала на шляпную коробку.

– С какой стати вы ее убираете? Я думала, вы и коробку подарите.

– Ну... – Он спустился со стула. – Мне же понадобится что-нибудь для моей новой шляпы, когда я ее куплю. На тот случай, если за мной будет погоня и придется срочно удирать из города.

Бет хихикнула.

– Вы надо мной смеетесь.

Он принял торжественный вид.

– Ни чуточки. – И указал на котелок на ее голове. – Я видел тебя утром. Почему ты тогда была без него?

– Келли запретила мне надевать котелок во время занятий. Она сказала, что у меня в нем слишком фривольный вид.

– Келли всегда тебе что-нибудь запрещает, правда? Она мисс Нельзя. Все время «не надо», «нельзя»...

– Да, провалиться мне на этом месте. И когда только она остановится!

Джейс поджал губы с показным неодобрением.

– Ах-ах, как ты выражаешься! Юной леди это совсем не пристало. Вот возьму и скажу мисс Нельзя.

Девочка бросила на него хитрый взгляд.

– А я тогда скажу ей, что вы только что ругались, как сапожник.

Он засмеялся:

– Принцесса, обещаю не выдавать тебя, если ты не выдашь меня.

Бет приложила палец к губам:

– Тик-ток, рот на замок.

Джейс повторил ее жест и заклинание. Протянул ей руку:

– Ну что, пойдём вниз? Наверное, пора обедать. Она доверчиво вложила свою маленькую мягкую теплую руку в его ладонь. Ее голубые глаза сияли.

– О, Джейс, я так рада, что ты здесь!

Он улыбнулся в ответ. Итак, один суверенный штат уже завоеван, и практически без усилий. Даже удивительно. Вот если бы удалось так же легко покорить и Кэлифорнию...

Келли с неприязнью наблюдала за тем, как он просеменил через всю комнату и отодвинул стул для Бет. С той же преувеличенной торжественностью он повязал девочке салфетку. От отвращения у Келли сжалось в желудке. Почему у такого большого, с виду сильного мужчины манеры недалекого хлыща? Даже на другом конце стола она ощущала запах его ароматического масла для волос. Наверное, целый флакон на себя вылил. Если выйти за него замуж, то всю жизнь придется отстирывать наволочки.

Он кивком поздоровался с Уидди, занял место за столом по правую руку от Большого Джима и одарил ее теплой улыбкой.

Келли вскинула голову и свысока взглянула на него. Бет может вести себя как щенок с обожаемым хозяином, но она-то, Келли, не восьмилетний ребенок и имеет здравого смысла побольше.

– Бет, нельзя сидеть в шляпе за столом! Сестренка и гость весело переглянулись.

– Нельзя, Бет, это запрещается, – произнес он. Девочка сняла котелок, но не выдержала и расхохоталась.

– Рад видеть вас на ногах, Джейс, – пророкотал Большой Джим.

Перкинс попытался изобразить смущение, однако самодовольство так и прорывалось наружу.

– Я не привык сидеть без дела, сэр. Знаете, как говорят, «руки бездельника – это инструменты дьявола».

И потом я уже начал по вас скучать. – С сияющей улыбкой он повернулся к Келли. – Особенно по вас, мисс Кэлифорния. Почему вы ни разу не пришли меня навестить?

Все взгляды за столом обратились на Келли. Она очень не любила быть в центре внимания и, опустив глаза, начала вертеть салфетку.

– Так и не навестила? – Большой Джим многозначительно взглянул на дочь. – Это нехорошо с твоей стороны, Мышонок, особенно при сложившихся обстоятельствах.

Келли казалось, что каждый нерв, каждая клеточка в ней пронзительно кричит: «Оставьте меня в покое, не нужен мне никакой муж, тем более такой!» Но она взяла себя в руки и обернулась к Перкинсу с бледной улыбкой.

– Вам нужно было время, чтобы поправиться, мистер Перкинс. Хочу сказать... я предпочитаю, чтобы меня называли Келли, а не Кэлифорния. А еще лучше – мисс Саутгейт.

– Слушай меня, девочка, – загремел Большой Джим. – Он будет называть тебя Келли, а ты его – Джейс. Поняла? Он практически член семьи, раз живет с нами под одной крышей.

– Н-н-но... п-п-папа...

– Это для твоего же блага, моя радость. Делай, что я говорю, и будешь умница.

Отец смотрел на нее с любящей улыбкой. Однако Келли знала, что противоречить ему невозможно.

– Да, конечно... – едва слышно ответила она, глотая слезы унижения.

– Я сегодня чувствую себя тип-топ, сэр, – быстро вставил Джейс. – Мне бы хотелось посетить ваше торговое заведение. Может быть, после обеда пойдем вместе, если, конечно, вас это не затруднит?

Большой Джим откинулся на спинку стула и сцепил пальцы рук с выражением крайнего удовольствия на лице.

– Прекрасно! Просто замечательно! – Щедрым жестом он указал на блюдо с жареной олениной и гарниром, которое миссис Эклэнд только что поставила на стол. – Угощайтесь, Джейс.

Келли обратила внимание на то, что, несмотря на жеманные манеры, Перкинс накладывал на тарелку такие порции, будто, кроме него, никого за столом не было. А затем согнул руку, обхватив тарелку каким-то примитивным защищающим жестом. Боже правый, неужели боится, что они заберут его еду?

С того самого момента, как Перкинс вошел в комнату, Уидди сидел в мрачном молчании. Теперь он со стуком поставил кофейную чашку и сверкнул глазами на отца.

– А почему мне нельзя в магазин?

Большой Джим хлопнул ладонью по столу так, что зазвенела посуда.

– Какого дьявола! Неужели опять все сначала! Да еще в присутствии Джейса! Ты не пойдешь в магазин, потому что я хочу, чтобы у тебя была не такая жизнь, как у меня. Я хочу для

тебя лучшей жизни. Как только придет ответ из Гарвардского университета, ты поедешь на восток. Об этом мечтала для тебя твоя мать.

– Ты-то сам обошелся без всякого образования, – проворчал Уидди. – А что я буду делать все лето?

Джейс положил вилку на стол.

– Образование – вещь весьма полезная. Оно тренирует мозг и тем самым подготавливает человека к жизни. Я часто сожалел о том, что... – Он улыбнулся какой-то заискивающей улыбкой. – Господи, да что это я разговорился... Просто я уверен, что тебе в университете понравится, Уидди. Как я тебе завидую! Правда – правда. Ну а пока ты еще не уехал... Как ты относишься к охоте?

Уидди по-прежнему сидел надувшись.

– Никак.

Келли не отрываясь, смотрела на Джейса.

– Неужели охота относится к числу ваших любимых развлечений, мистер Перкинс?! – И, бросив неуверенный взгляд на отца, поправила: – Джейс.

– Я не очень-то хороший охотник. Но готов кое-чему научить Уидди, если он захочет. Конечно, с вашего разрешения, мистер Саутгейт.

Большой Джим кивнул.

– Прекрасно! Парню это пойдет на пользу.

Со дня их приезда в Колорадо Келли не видела на лице брата такой счастливой, полной надежды улыбки. Этот мистер Перкинс, как пиявка, подбирался к сердцам людей. Но только не к ее сердцу!

– Я не охотился с самого детства, – вздохнул Большой Джим. – Ведь я вырос в северных лесах, в Мэне. Работал лесорубом, до девятнадцати лет, как сейчас Уидди. Работа тяжелая, но... – Он пожал плечами. – Знаете, как это бывает. Я вдруг почувствовал, что засиделся на одном месте, поехал в Бостон и там встретил самую хорошенькую девушку на свете. А хорошенькие девушки любят красивые вещи. Поэтому я открыл свое дело.

– И оно с самого начала пошло успешно? Большой Джим просиял:

– Да! А к тому времени как началась война, я уже заработал достаточно денег, чтобы открыть еще и небольшой оружейный завод. В шестьдесят шестом я его продал.

– Вы, должно быть, очень везучий человек, мистер Саутгейт.

– Да, не могу сказать, что мы голодаем. И у меня есть планы касательно этого дома. Хочу поставить на крыше цистерну для воды и провести трубы в дом. Потом найму рабочих с востока, чтобы обшили стены панелями и оклеили обоями. Ну и всякое такое.

– На это уйдет куча денег!

– Наш папа может себе это позволить, – вмешалась Бет. – Мама говорила, к чему он ни прикоснется, все превращается в золото.

Келли закусила губу. Лучше бы Бет этого не говорила. Мистера Перкинса и так уже слишком заинтересовали дела отца.

– Да что вы говорите! Как это может быть? – Джейс рассмеялся, и Келли тут же раскаялась в своих подозрениях.

Папа действительно любитель приключений и к тому же человек очень честолюбивый, привык брать жизнь за горло. Именно благодаря его неумной энергии и энтузиазму они оказались в этих кошмарных местах. А мистер Перкинс, похоже, улицу не перейдет без разрешения.

Джейс снова рассмеялся своим нервным смешком.

– При ваших способностях, мистер Саутгейт, я удивляюсь, как вы еще не занялись золотоискательством. Говорят, богатство здесь только и ждет, чтобы его пришли и взяли.

– Я могу заработать гораздо больше на продаже лотков для золотоискателей, чем на поисках желтого металла. Вокруг Дарк-Крика практически все уже выбрано. Разработки в Коло-

радо иссякли бы, если б какой-то профессор из Брауновского университета не придумал плавить неподдающуюся руду.

С сияющей улыбкой Джейс обратился к Уидди:

– Вот видишь, что делает образование! – И снова обернулся к Большому Джиму. – Но если у вас такой большой капитал, который можно вкладывать, почему вы не войдете в этот бизнес?

– Для меня нет ничего интересного в том, чтобы стать владельцем шахты или камнедробилки. Это не так увлекательно, как находить золото своими руками. Ну а если хотите быстро разбогатеть, поезжайте на Раздел и ищите серебро.

– Вот еще! На мой взгляд, это слишком грубая работа. И все-таки, мне кажется, здесь еще осталось немного готового золота для какого-нибудь бойкого старателя.

Большой Джим фыркнул в ответ.

– Может быть. Если кому-то не жалко тратить на это время. – Он отодвинул от себя пустую тарелку и сделал знак миссис Эклэнд. – Я готов выпить виски. Вы ко мне присоединитесь, Джейс?

Он взглянул на Келли, заметил неодобрение в ее глазах.

– Нет-нет! Оно мне ударяет в голову. А я человек простой и спокойный.

– Купер писал, что после войны вы порядком покуролесили. Я считаю, что любому мужчине полезно время от времени выходить из берегов. Дать себе волю, что называется.

Большой Джим отодвинул свой стакан с виски и потребовал принести еще один. Джейс опустил голову.

– Должен признать, что я так и не нашел для себя ничего достойного. Везде оставался лишь младшим служащим.

Он тяжело вздохнул, явно рассчитывая на сочувствие окружающих.

– Да, вы об этом писали.

– А что касается нашей семейной фермы... она так пострадала во время сражений, что там уже ничего не растет. Мне пришлось продать ее за бесценок, чтобы расплатиться с кредиторами моего покойного отца.

– А почему вы не остались в армии? – резко спросила Келли, подумав, что, возможно, там из него сделали бы мужчину.

Джейс медленно покачал головой. Голубые глаза потемнели от горечи.

– После лагеря для военнопленных повстанцев мне больше не хотелось иметь ничего общего с военными.

Келли изумленно смотрела на него.

– Лагерь для военнопленных?! Но ведь вы писали, что служили ординарцем у офицера и никогда не участвовали в сражениях.

Теперь Джейс смотрел на нее, широко раскрыв глаза.

– Разве? Ну... понимаете... Дело в том, что... меня взяли в плен, когда я выполнял задание своего начальника. Я попался по собственной глупости. Этого вполне можно было бы избежать. Неприятно вспоминать о своих ошибках.

– Вы, наверное, знаете много историй про войну, – с благоговением произнес Уидди. – Расскажите что-нибудь.

– Да, да! – воскликнула Бет. – В магазине я такое слышала.

Джейс, казалось, совсем растерялся.

– Мне бы не хотелось... – С улыбкой облегчения он обернулся к двери: миссис Эклэнд в этот момент ввела Сисси. – Вот единственный член семьи Саутгейт, с которым я еще не знаком. – Он встал и опустился перед девочкой на колени. – Привет, Сисси! Какая симпатичная малютка!

На лице трехлетней девочки застыло выражение недоверия. Она смерила гостя холодным взглядом, потом подняла свой пухлый пальчик и ткнула в повязку у него на лбу. Джейс поморщился от боли, а малышка обхватила ручками ноги миссис Экленд.

– Хочу спать.

Сисси надула губки и еще раз кинула злобный взгляд на Перкинса, прежде чем миссис Экленд унесла ее из комнаты.

Келли еле сдерживала смех. Джейс оцепенел. Выглядел он так, словно в первый раз в жизни встретил отпор. «Вот и все, мистер Тру-ля-ля. По крайней мере, я оказалась не единственной, кого не очаровали ваши приторно-сладкие манеры».

Большой Джим допил виски и встал из-за стола.

– Ну что ж, пора идти в магазин, Джейс. Не люблю, когда он слишком долго закрыт.

Не дожидаясь ответа, отец направился к выходу. Ни дать, ни взять король со своей свитой.

Бет соскочила со стула и натянула на голову котелок.

– Можно мне тоже пойти, Келли?

– Только если пообещаешь, что не будешь озорничать. Не мешай Билли Ди. И мистеру Перк... Джейсу. И не ходи одна по улице.

Келли снова заметила странный взгляд, которым обменялись Бет и Джейс. Он подошел к девушке.

– Позвольте мне помочь вам.

Келли нехотя приняла его руку. Она оказалась на удивление сильной и теплой.

– Позвольте мне! – Джейс рванулся за палкой в тот же самый момент, что и Келли. – Ах ты...

Палка выскользнула из его рук на пол. Он резко наклонился. Келли осталась без опоры, пошатнулась и ухватила за плечо Джейса. Ощущение крепких мускулов под пиджаком напомнило о его обнаженной груди, которую она видела накануне вечером. Нельзя сказать, чтобы это воспоминание доставило удовольствие. У Келли неожиданно перехватило дыхание.

Келли вздрогнула от непонятной тревоги. На верхней губе выступил пот. Сильные теплые руки крепко держали ее за талию, в глубине голубых глаз затаилась насмешка.

– Бет, – произнесла она дрожащим голосом, – подай мне трость, а не то мистер Перкинс подумает, что мне это нравится.

Смешинка в глазах растаяла.

– Я не настолько глуп, чтобы этого не заметить, – едва слышно пробормотал Джейс.

Келли задохнулась от неожиданности. Съежилась, ушла в себя.

Спотыкаясь, он подвел ее к столу и отпустил, как только девушка ухватила за край.

– Ах, ты Г-г-господи! Мистер Саутгейт меня ждет! Келли без сил опустилась на стул. Талию все еще жгло от его жаркого прикосновения. «Помоги мне Бог! Как могло это жалкое подобие мужчины довести меня до такого состояния!..»

Глава 6

Теперь не хватает только хорошей сигары, и можно считать, что день прошел лучше некуда. Трясаясь на заднем сиденье повозки, Джейс закинул руки за голову, не в силах сдерживать довольную ухмылку. Похоже, что добиться Келли будет легче, чем ему казалось. Сегодня он почувствовал, как девушка затрепетала под его руками. А глаза ее потемнели не только от смущения, растерянности, но и от желания тоже.

Конечно, соблазнять дочь хозяина в роли Перкинса дьявольски трудно. Все время приходится отступать, притворяться беспомощным, ныть и строить из себя дурака, чтобы она не испугалась и не заподозрила чего. Но от этого ставки только поднимаются, а игра становится еще азартнее.

За обедом Джейс едва не попался во время этих разговоров о войне. Он-то решил, что парню пришлось понюхать пороха, хотя мог бы сразу догадаться, что такой, как Хорэс Перкинс, постарался найти себе безопасное местечко.

Джейс беззвучно выругался. И чего ради он вдруг вспомнил за столом о лагере для военнопленных повстанцев? Просто разговор о войне пробудил что-то в его душе, вот и потерял бдительность. Надо вести себя осмотрительнее, по крайней мере, до тех пор, пока он прочно не внедрится в эту семейку.

Возможно, удастся расположить к себе Уидди и даже найти друга в его лице. Большой Джим совсем затуркал парня, бедняга не знает, куда ему податься. Наверняка большую часть времени проводит в салунах. В тот первый день он здорово напился, даже ноги заплетались.

Вот смеху-то будет... после той жизни, какую Джейс вел до сих пор, разыгрывать из себя благоразумного дядюшку и наставлять парня на путь истинный.

Большой Джим, конечно, никакое не чудовище. Дружелюбный, открытый, полный энтузиазма, которым заражает и окружающих. Вот только... слишком уж большой, во всем. И всех в доме подавляет. Дети очень уважают отца, это ясно. Но они живут в его тени. А Джим так привык командовать, так полон уверенности в себе, что не осознает, как калечит их. «Но это все не мои проблемы. У меня хватает своих забот».

Джейсу все время мерещится бедняга Перкинс с наполовину снесенным лицом. И Зеке. Может, не уговори он возницу сделать остановку, оба были бы сейчас живы...

Повозка резко остановилась. Джейс взглянул на козлы. Бет спускалась вниз, поддерживаемая сильной рукой Большого Джима. Села рядом, расправив свои пышные юбки. Надвинула на лоб котелок и рассмеялась.

– Я сказала папе, что хочу теперь посидеть с вами. Повозка снова двинулась вперед.

– Всегда рад твоему обществу, Принцесса. Только боюсь, у нашей мисс Нельзы случится нервный припадок, если она узнает, что ты сидела сзади, как наемный работник.

Бет откинула назад белокурые косички.

– Келли просто старая ворчунья. Если это означает быть взрослой, то мне совсем не хочется расти. – Ее взгляд был полон обожания. – Разве что такой взрослой, как вы.

Джейс улыбнулся девочке. Он чувствовал себя легко и раскованно в ее присутствии, забывал о нудной роли Хорэса.

– Келли смягчится. Ей только надо преодолеть свою застенчивость. Скажи, она всегда пользовалась палкой?

– Доктора уже, сколько лет назад говорили ей, чтобы выбросила палку и училась ходить сама. Но она боится, что упадет. И папа перестал ее донимать этим.

Бет указала на первые обшарпанные здания:

– Как вам нравится наш город?

– Я его еще не видел.

– Ну, как же не видели? А в тот первый день, когда вы только приехали?

– Я помню только приемную доктора. – Джейс снова легонько потянул ее за косичку. –

И еще помню одну такую маленькую озорницу, которая принесла мне виски.

Бет пристально смотрела на него.

– Мне кажется, вы больше притворялись, что терпеть не можете виски.

Джейс возвел глаза к небу и заговорил еще более высоким голосом, чем всегда:

– Святые угодники! Как ты можешь так говорить! Девочка звонко рассмеялась.

– Постарайтесь только, чтобы сестра этого не заметила. Она так и взовьется. Келли ведь у нас трезвенница.

– Конечно, Бет. Можешь не беспокоиться.

На самом деле при мысли о том, как взовьется Келли, полная страсти и огня, сердце у него учащенно забилося.

Бет встала на коленки и крикнула:

– Мы подъезжаем!

Магазин Большого Джима не обманул его ожидания. Большой, шумный, он ломился от самых разнообразных товаров на любой вкус. «Неужели наступит такой день, когда часть всего этого будет принадлежать мне? – подумал Джейс. – Если, конечно, я правильно поведу игру». Ему не раз приходилось стоять за прилавком, когда возникала нужда подзаработать немного. С цифрами-то он управляться умеет. Может быть, это и окажется его золотой жилой и не понадобится отправляться в горы на разработки.

Большой Джим показывал магазин и складские помещения. Бет всюду следовала за ними по пятам как тень.

– Это первоклассное торговое заведение, мистер Саутгейт. Могу только надеяться, что я вас не подведу.

Большой Джим смерил его оценивающим взглядом. Они стояли почти лицом к лицу. Джейс оказался примерно на дюйм выше.

Большой Джим ответил хитровой усмешкой.

– Можете не волноваться. Я не сомневаюсь, что здесь вы окажетесь на месте. Во всех смыслах. Понимаете, о чем я?

Джейс не был уверен, что правильно понял, однако переспрашивать не стал.

– С чего начнем, сэр?

Тот ответил широкой улыбкой.

– Можем начать с того, что ты будешь называть меня Большой Джим. Хватит этих глупостей вроде «мистер Саутгейт» и «сэр». Мы с тобой находимся на Западе, а не на дамском чаепитии.

– Смотрите, кто пришел! – воскликнула Бет и радостно кинулась к пожилому человеку.

Он дружески похлопал по ее котелку. Большой Джим знаком подозвал вошедшего.

– Джейс, познакомься. Это Билли Ди. Он будет помогать тебе в мое отсутствие. Билли Ди, это мой новый управляющий Хорэс Перкинс.

Билли Ди оказался седым плешивым стариком с обветренным, изборожденным морщинами лицом, слезящимися глазами и шишковатым красным носом, свидетельствовавшим о пристрастии его обладателя к выпивке. Он протянул руку, с отвращением глядя на приехавшего франта, потом вытер ладонь о свою рабочую рубашку и протянул снова.

– Здравсте. – Он окинул Джейса враждебным взглядом из-под кустистых бровей. – Как поживаете?

Джейс крепко пожал ему руку.

– Очень хорошо, Билли.

Старикан тоже, как видно, поживал неплохо. Судя по всему, принял сейчас такой коктейль, что другой бы на ногах не устоял.

– Меня зовут Билли Ди, парень. И я не собираюсь менять имя ради такого, как ты. Джейс изобразил приторную улыбку.

– Конечно, приятель, конечно.

«Интересно, скольких покупателей этот остолоп уже отпугнул своим видом и обращением? Ну, ничего, тепер, с моим приходом, все изменится».

Большой Джим смотрел на Джейса так, будто был разочарован тем, что тот не ответил на оскорбление.

– Нечего вскидываться, Билли Ди. Ты выяснил, что пропало?

– Две туши бекона и мешок бобов. И еще один... этот... гальванизированный кофейник.

– Черт побери, кто у нас сторож, приятель?! Как могло все это исчезнуть прошлой ночью? Уже третий раз за последние две недели! Сколько замков я еще должен поставить? Тебя что, не было на складе в это время?

Глаза у Билли Ди забегали.

– Я спал как младенец и ничего не слышал.

– Трезвый? – тихо спросил Джейс. Старик двинулся на него с кулаками.

– Ах ты, паршивый сосунок, дерьмо собачье...

– Прошу прощения, Большой Джим, – спокойно сказал Джейс и схватил Билли Ди за плечо.

Казалось, это был небрежный жест, однако пальцы его сжались с такой силой, что старик сморщился от боли.

– Слушай меня, ты, сукин сын! Я в своей жизни уже встречал отребье вроде тебя. Если узнаю, что кражи – дело твоих рук, пристрелю прямо на улице, как собаку.

Билли Ди застыл, открыв рот.

– Ну... 3-3-зачем же так... Пропало-то всего ничего. Может, у кого из старателей деньги кончились.

– В таком случае мы дадим им кредит, в магазине. Нечего рыскать с черного хода. Ты меня понял?

Он крепче сжал пальцы, ощущая хрупкие кости старика под рубашкой.

Билли Ди скрипнул зубами от боли и быстро закивал.

– Как скажешь, приятель.

Большой Джим дружески хлопнул Джейса по спине, отчего у того сразу заболели сломанные ребра. В магазин вошли несколько человек.

– Ну, мой мальчик, ты уже одержал верх над Билли Ди. Посмотрим, как у тебя пойдет дело с покупателями.

Следующие несколько часов новый управляющий крутился волчком без остановки. Не то чтобы это составляло для него слишком уж тяжелый труд. Большой Джим подсказывал ему цены, а Билли Ди доставал все необходимые товары. Джейс даже Бет подключил к работе: девчушка с удовольствием перевязывала пакеты бечевкой.

На редкость обаятельному управляющему удалось уговорить жену горняка купить лишний ярд набивного ситца, а владельца нового салуна он убедил в том, что стекло у Большого Джима лучшее на всей Миссисипи. Джейс даже сумел предотвратить ссору между двумя проститутками из-за последней пары модных ботинок на шнурках.

– Мадам, – обратился Джейс к одной из них, держа на весу красную нижнюю юбку, – я убежден в том, что ступни ног – это еще не самое лучшее, что у вас есть. Давайте покажем кое-что из вашей великолепной фигуры. Яркая полоска из – под юбки, когда вы ее приподнимете, привлечет взгляды мужчин как раз к тому месту, какое нужно. Пусть ботинки достанутся вашей подруге. А вот этот предмет женского туалета я с удовольствием продам женщине, которая его достойна.

После этого легко убедил вторую проститутку, что у нее самые изысканные ступни ног, какие он в своей жизни имел удовольствие лицезреть, и подруги удалились рука об руку, вполне довольные своими покупками.

Джейс потянулся и зевнул. Все это замечательно, но он устал. Болела грудь, голова гудела. Пожалуй, не стоило так надрываться в первый день. Он еще не совсем поправился.

Большой Джим небрежным жестом достал из кармана часы.

– Пожалуй, мы сегодня уйдем домой пораньше. Я что-то совсем выдохся.

Джейс выдавил благодарную улыбку.

– Как скажешь, Большой Джим. Вот только обслужу нашего последнего покупателя.

Саутгейт взглянул на входившего и усмехнулся.

– Между прочим, это твой соперник. Ральф Дрисколл. По-моему, он нравится Келли.

Соперник! Значит, ему полагается ухаживать за Келли? И если да, то чья это идея – самой Келли или Большого Джима? Похоже на то, что эта затея выдать себя за Хорэса не так проста, как показалось вначале.

У прилавка уже стоял человек крепкого телосложения, с напояженными темными волосами, седеющими на висках, широким носом и пронизывающими черными глазами. С первого взгляда было ясно, что это человек с солидным положением в обществе. Фрак и брюки в полоску сшиты на заказ, на голове шляпа с шелковой лентой, в руках желтые кожаные перчатки.

Его сопровождал мужчина, которого можно было принять за рабочего с ранчо, судя по грубой рубашке, кожаным леггинсам, пистолету за поясом и запыленным ботинкам.

Джентльмен приподнял шляпу, кивнул Большому Джиму.

– Добрый день, Саутгейт.

– Добрый день, Дрисколл. Что привело вас сюда? Банк закрылся пораньше?

– Я слышал, у вас появился новый служащий. Решил зайти познакомиться, как полагается добрым соседям. – Он указал на человека, сопровождавшего его. – А Карл, старший у меня на ранчо, говорит, надо купить новый насос. Сегодня у меня не очень загруженный день, ну вот я и решил... то-се... зайдем вместе, посмотрим, что у вас есть в каталоге.

– Да-да, конечно. – Большой Джим представил управляющего: – Это Джейс Перкинс.

Джейс улыбнулся и осторожно протянул руку, как будто боялся, что ее сейчас раздавят.

– Рад познакомиться, Перкинс. Работая на Саутгейта, вы можете далеко пойти.

Джейс расценил и эти снова, и чересчур энергичное рукопожатие как вызов, намеренный вызов. И едва сдержался, чтобы не раскрыть кулаком эту улыбающуюся физиономию. Однако если он хочет продолжать свой розыгрыш, то не должен вести себя с этим человеком так же, как с Билли Ди. Одно неверное слово может выдать его.

– Ну да, ну да, мистер Дрисколл. Я у него управляющий.

Он стиснул руку Дрисколла в ответном пожатии и с удовольствием заметил, как тот поморщился.

– Как я понял, вы единственный уцелели в той схватке. Ваша история уже облетела весь город.

Джейс дотронулся до пластыря на виске.

– Да, сэр, меня здорово задело.

Глаза Дрисколла сощурились. Он смотрел с явным подозрением.

– Все это звучит довольно странно. Остановка... нападение из засады... очень удобно.

– Наверняка нас ждали в засаде, это точно. Бандиты бы нас все равно остановили на дороге.

– И никто из вас не успел выстрелить?

Джейс помедлил в нерешительности. Этот сукин сын явно примеряет веревку к его шее. И потом, всегда есть шанс, что правда, так или иначе, выйдет наружу. Слухи каким-то образом всегда распространяются. Так что лучше всего быть правдивым, насколько это возможно.

– Если честно, то я убил одного из них.

– Ты? У тебя что, есть оружие?

Джейс снова спрятался за дурацкими ужимками.

– Да что вы... Нет, конечно... Просто... мистер Джонсон любезно позволил мне подержать его пистолет, пока он освежится в реке. Эти мерзавцы выстрелили в меня. А потом подошли проверить... убедиться в том, что я мертв... Ну и я... воспользовался случаем. Думаю, я убил одного из злодеев, но его напарники унесли тело. Это было ужасно. Ужасно! Никогда этого не забуду.

Карл громко заржал и положил руку на пистолет.

– Ну, ты даешь! Тебе бы в цирке выступать. Джейс остановил на нем внимательный взгляд.

– Не могу сказать, что мне нравится, как ты со мной знакомишься, парень. Я научился стрелять в армии. Ты-то, наверное, не служил. Но все равно, можем помериться силами, как это пристало джентльменам. – Он смахнул с пиджака воображаемую соринку. – Если ты, конечно, джентльмен.

Карл ответил звериным рыком, выхватил пистолет из кобуры и приставил дуло к виску Джейса, который замер и стоял неподвижно. Он в своей жизни много играл в покер, чтобы сразу распознать, когда противник блефует.

– Прекрати, Карл! – приказал Дрисколл. – Не валяй дурака! Убери пистолет.

Несколько секунд Карл колебался, явно напуганный криком хозяина. Потом, выругавшись сквозь зубы, убрал пистолет.

Ральф Дрисколл повернулся к Джейсу:

– Я должен извиниться за своего помощника. Он всегда выходит из себя, когда кто-нибудь заговаривает о войне в его присутствии. Натерпелся неприятностей с армией.

Ну конечно. Дезертировал, наверное, мерзавец. А может, и того хуже – взял кругленькую сумму за службу в армии, а потом дезертировал. Дерьмо собачье. Вот кого надо прикончить.

Вдруг Джейс заметил, что Большой Джим наблюдает за ним со странным выражением на лице. И побледневшая Бет дрожит от страха. Усилием воли Джейс подавил приступ ярости.

– Черт возьми! Не будем ссориться. Пусть ваш помощник идет своей дорогой.

– Вот и хорошо. – Дрисколл с облегчением улыбнулся и обернулся к Бет: – Ну а как ваши дела, юная мисс?

Девочка грациозно присела. На щеках снова выступил румянец.

– Спасибо, сэр, очень хорошо.

Он постучал пальцем по ее котелку.

– Разве ты не знаешь, что леди не полагается носить такие шляпы?

К Карлу вернулся дар речи, а заодно и его обычная развязность.

– Верно, Совсем как мальчишка. Бет топнула ногой.

– А вот и нет!

– А вот и да! Ты маленький сорванец. Скоро еще брюки наденешь.

Бет открыла рот, нижняя губа ее задрожала, глаза наполнились слезами. Большой Джим пророкотал что-то нечленораздельное, а Джейс почувствовал, что больше не может себя контролировать и, схватив Карла за шейный платок, с силой встряхнул.

– Извинись перед девочкой!

– Ну-ну... – Дрисколл поспешно разнял мужчин. – Перкинс прав. Карл, скажи малышке, что ты сожалеешь, и марш отсюда.

Помощник яростно сверкнул глазами на босса, пробормотал извинение и пошел к дверям, надвинув шляпу на самые глаза.

Дрисколл откашлялся.

– Прошу прощения, Саутгейт. Просто Карл сегодня сам не свой, со всеми этими хлопотами. – Он прошел к банкам с конфетами, стоявшим на прилавке. – Что вы скажете, если я угощу малышку парой конфеток?

Большой Джим привлек Бет к себе. Девочка укрылась в теплых, таких надежных объятиях отца.

– А что вы скажете, если я попрошу вас не приводить больше этого неотесанного олуха в мой магазин?

Дрисколл ответил натянутой улыбкой. Снял и снова надел свою шляпу.

– Как угодно. Могу посмотреть каталог в другой раз. – И вышел из магазина.

Большой Джим покачал головой.

– Дрисколл – вполне приличный человек. И с какой стати он держит у себя этого прощелью? – Он погладил Бет по плечу. – Возьми конфетку, малышка. Только не говори Келли.

«Приличный он человек или нет, – подумал Джейс, – но есть в этом Дрисколле нечто такое, что мне совсем не нравится. И Бет чувствует то же самое». Это было заметно по ее лицу в тот момент, когда банкир с ней поздоровался.

– Ну что, закрываем, Большой Джим? Саутгейт потер подбородок.

– Честно говоря, я бы сейчас не отказался от хорошего виски. Может, зайдем в «Эльдорадо», выпьем по стаканчику? Что скажешь?

Да, это было бы совсем неплохо. Может, снимет боль в ребрах. Только нельзя, чтобы Большой Джим заметил, как ему этого хочется.

– Ну, если только по одному стаканчику... А как же Бет?

– Она может остаться здесь с Билли Ди. Заберем ее на обратном пути.

Бет надула губы.

– А что мне делать, пока вас не будет? Джейс нагнулся к ней.

– Посмотри сюда, Принцесса. Видишь эту кипу носовых платков? Ты можешь сложить их аккуратно и красиво?

Бет с готовностью закивала. Джейс встал и подошел к Саутгейту.

– Я готов, сэр.

Большой Джим окинул недовольным взглядом его клетчатый костюм и покачал головой.

– Надо что-то сделать с твоей одеждой, и поскорее. Слишком у тебя вид... восточный. Завтра подберешь себе костюм со склада. Ну и все остальное, что понадобится. А пока примерь-ка шляпу.

В черной фетровой шляпе с широкими полями, чуть примятыми и искусно изогнутыми, Джейс сразу почувствовал себя лучше.

Они вышли из магазина на яркое предзакатное солнце.

– Я вам возьму стоимость одежды, Большой Джим.

– Еще чего не хватало!

Ну, нет! Раньше Джейс и не задумывался о подобных тонкостях. Но теперь ощущал потребность отработать, а точнее, заработать все, что получит от Большого Джима, И будь он проклят, если этого не сделает!

– Я на этом настаиваю, сэр.

– Будешь делать, как я скажу, – и точка! – загремел Большой Джим.

Не то чтобы он по-настоящему рассердился. Просто привык к безоговорочному подчинению во всем. Джейс остановился посередине улицы.

– Вы все еще хотите, чтобы я вел ваши дела, Большой Джим?

– Конечно. А почему бы нет?

– В таком случае я прослежу за тем, чтобы магазин получил возмещение стоимости моей одежды. Если же вы будете возражать, вам придется нанять себе другого бухгалтера.

– Какого дьявола!

Некоторое время они стояли нос к носу посреди улицы, испепеляя друг друга взглядами. Потом Саутгейт громко расхохотался:

– Вот что я тебе скажу, Джейс. Ты, парень, нарываешься.

– Все нормально, Большой Джим. Саутгейт сунул руку в карман сюртука.

– Думаю, тебе тоже захочется покурить за виски. Он вынул две толстые сигары, протянул одну Джейсу. Поколебавшись, Джейс взял сигару. Даже у Хорэса Перкинса могут быть свои маленькие слабости. Он достал из кармана спичку, зажег ее о подошву ботинка и глубоко затянулся.

– Хорошая сигара, Большой Джим.

Они двинулись дальше. Большой Джим шагал молча. Лоб его прорезала глубокая морщина.

– Я понятия не имею, кто ты такой, Джейс. Но только ты не тот человек, которого я ожидал увидеть.

Джейс почувствовал острый укол тревоги.

– Что вы имеете в виду, сэр? – запищал он фальцетом.

Саутгейт сухо рассмеялся:

– Это ты побереги для Келли. Тот человек, которого когда-то знал Тимоти Купер... Видимо, война тебя так изменила, Джейс. И тем лучше.

Он с облегчением выдохнул. Теперь в присутствии Саутгейта можно будет отказаться от жеманных манер Хорэса Перкинса. Джейс понизил голос:

– Война всех нас изменила. Только полный идиот мог остаться таким же, каким был. – Он изо всех сил старался сдержать горечь при этих словах.

– А знаешь, я чертовски рад тому, что ты здесь, сынок.

Джейс с трудом проглотил комок в горле и споткнулся о камень на дороге.

«Сынок!..» Его никто еще так не называл. Ни разу за всю его распроклятую, несчастную жизнь.

Глава 7

– Не позволяйте Бет засиживаться слишком поздно, миссис Эклэнд.

Келли положила в повозку трость, подтянулась и, опершись на здоровую ногу, поднялась на место возницы.

Миссис Эклэнд, прикрыв глаза большой рукой со стертymi костяшками пальцев, прищурившись, смотрела на запад. Солнце стояло низко над горизонтом, почти касаясь горных вершин.

– Негоже вам ехать в такой час, мисс Келли. Солнце уже сядет, пока вы доберетесь до города. А возвращаться будете в полной темноте. – Она сокрушенно пощелкала языком. – И это в то время, как ваш отец уехал по делам в Денвер. Ох, как он рассердится, когда узнает, что вы разъезжали по городу одна, поздней ночью?

Келли раздраженно поджала губы.

– Ему не обязательно об этом знать. Миссис Эклэнд, ничего со мной не случится. И обратно я буду возвращаться не одна. Со мной поедет Уидди. Я просто хочу выяснить, почему он не вернулся домой к ужину, как обещал.

Экономка уперла руки в бока.

– Этот парень с каждым днем распускается все больше.

Келли поправила кожаные перчатки и взяла поводья.

– Не ждите нас. Ложитесь спать.

Келли была благодарна миссис Эклэнд за то, что та согласилась ночевать у них в доме и спать в комнате Сисси, пока отец находится в Денвере. Большой Джим на этом настоял – и приличия того требовали, – чтобы по городу не пошли сплетни о его дочери и управляющем. А когда Уидди не явился домой к ужину, Келли еще больше порадовалась тому, что экономка осталась с ними. Ну разве можно было бы оставить Бет и Сисси одних?

Келли очень тревожилась за брата. В Бостоне он никогда не вел себя настолько безответственно.

Ей не пришлось бы сейчас разыскивать Уидди, если бы мистер Перкинс не покидал их каждый вечер, с тех пор как Большой Джим уехал в Денвер. «Много работы», – говорил он, хотя Келли не понимала, кто может делать покупки так поздно вечером.

Надо отдать ему должное, за две недели работы в магазине Перкинс показал себя на редкость трудолюбивым и добросовестным человеком. Вставал на рассвете, быстро завтракал – и на коня. Задолго до того, как Большой Джим выезжал из дома. Обедал управляющий в городе, поэтому Большой Джим не закрывал магазин на обед. Вечерами мужчины являлись к ужину вместе, посмеиваясь и болтая о том, что произошло за день. Отец не мог нарадоваться своим новым служащим и управляющим. А вот Келли даже представить себе не могла Перкинса в этой роли.

Но вот уже три дня подряд, с тех пор как Большой Джим уехал, управляющий возвращался домой не раньше полуночи. Что происходит?..

Келли взмахнула поводьями, прищелкнула языком. Лошадь послушно направилась к воротам, а оттуда на узкую грязную дорогу. Может быть, он проводит инвентаризацию... Келли пыталась быть справедливой по отношению к Перкинсу. За последние две недели на складе произошло еще несколько краж. Ничего ценного, как сказал Большой Джим, и тем не менее это выводило его из себя. Возможно, управляющий решил заслужить благодарность своего работодателя и произвести тщательную проверку товаров во время его отсутствия?

Келли фыркнула от негодования. Кажется, Большого Джима уже нет нужды завоевывать. Эти двое в последнее время стали просто неразлучны. Келли так и не могла понять, что отец нашел в этом Перкинсе, с его бесконечными ужимками. Ну, есть ли на свете другое такое

же бесхребетное существо! При этой мысли Келли с горечью усмехнулась и дотронулась до разметающихся по плечам локонов. А сама она лучше, что ли? «Носи волосы распущенными, девочка, – приказал Большой Джим. – Так тебе больше идет. Не хочешь же ты, чтобы Джейс смотрел на тебя как на старую деву». И она покорилась без единого слова.

Келли вздрогнула и огляделась. На дороге, скрытой от солнечных лучей высокими горами, уже стемнело. Повеяло вечерней прохладой. Нет, никогда она не привыкнет к здешнему климату. Конец июня, а ночами так холодно, что приходится спать под теплым одеялом. Она вздохнула и подумала, что напрасно заупрямилась, когда миссис Эклэнд предложила взять с собой теплую шаль. Просто ей захотелось проявить хоть немного независимости. Келли было больно оттого, что она добровольно позволила отцу спланировать за нее ее будущее.

Брак с Джейсом Перкинсом. Они об этом пока не говорили, но Келли знала: это неизбежно. И вспомнила слова из письма Абигайл Адаме: «Все мужчины становятся тиранами, если им это позволить». А Келли это позволила своему отцу, так же как когда-то позволила ее мама. Неужели и ее, Келли, ждет то же самое с Джейсом Перкинсом?

Что же такое происходит в отношениях между мужчиной и женщиной... отчего женщины становятся такими покорными и смиренными?

И все же... и все же... она никак не могла представить себе, что Перкинс способен главенствовать над кем бы то ни было, подавлять, кого бы то ни было.

– Ты просто дурочка, – вслух сказала Келли. – Сама не знаешь, чего хочешь.

Зато она хорошо знала, чего не хочет – сильного мужа, который будет ее подавлять и в конце концов превратит в бледную тень. Но и такое никудышное жеманное существо, как мистер Перкинс, ей тоже не нужно.

Подруги из ее кружка в Бостоне хорошо понимали эту дилемму. Они все поклялись, что никогда не покорятся представителям противоположного пола. Сам институт брака, утверждали они, является насмешкой над стремлением женщины к эмансипации.

Келли снова тяжело вздохнула, не зная, как ей быть. Будущее путало, как смертный приговор. А она, беспомощная жертва, покорно ожидает, когда ей на шею накинут веревку, и знает, что этого не избежать.

Келли направила лошадь вниз по Франт-стрит и увидела Перкинса, который в этот момент запирает магазин. Интересно, если он уходит с работы в обычное время, почему же сказал что придет домой поздно?

Джейс обернулся. На лице его появилась широкая улыбка.

– Мисс Келли! Что вас привело в город так поздно? Келли не могла не заметить, как он красив в новом костюме. Широкополая шляпа, залихватски сдвинутая набок, придавала ему даже коварный вид. Однако тут же отругала себя за то, что обращает внимание на такие вещи. Почувствовав раздражение оттого, что присутствие этого мужчины так ее смущает, Келли заговорила резким тоном – Уидди не пришел домой к ужину.

Джейс обнял ее за талию и помог сойти с повозки, причем делал это так медленно...

– Можете отпустить меня. И подайте, пожалуйста, мою трость. Мне в отличие от вас совсем не хочется демонстрировать близкие отношения и устраивать спектакль для прохожих.

– Конечно-конечно, мэ... Неужели вы могли подумать, что я...

Она прервала его нетерпеливым жестом.

– Как вы думаете, где может быть Уидди?

Джейс в смущении подергал себя за воротник.

– Ну... мисс Келли... если судить по его поведению в последние дни, боюсь, что он в одном из салунов. Почему бы вам не подождать в магазине, а я пойду, поищу его?

– Я пойду с вами. Джейс нахмурился.

– Не думаю, что это благоразумно. Подобные заведения не место для благородной дамы.

При одной мысли о том, что это ничтожество будет ее учить и объяснять, что представляют собой салуны, Келли улыбнулась.

– Вы что, считаете меня совсем беспомощной? Или до такой степени наивной? Я иду с вами!

Он вздохнул и покорился.

– Ну, как хотите. Тогда, пожалуй, стоит начать с «Золотой радуги». Я несколько раз видел, как Уидди туда входил.

– И ни разу его не остановили?!

– Мисс Келли, это не входит в мои обязанности. И потом, я считаю, что молодому человеку время от времени полезно почувствовать себя мужчиной.

Она презрительно усмехнулась.

– И вам тоже?

Джейс молчал. В его голубых глазах она ничего не могла прочесть. Потом он запищал в своей обычной манере:

– Да что там. Ну конечно, я тоже побаловался в юности. Например, мазал воском соседские окна в канун Дня всех святых, конфеты таскал в магазине, когда продавец не видел.

– Бог ты мой, какие опасные проделки!

– Вы что, насмехаетесь надо мной, мисс Келли? Но это не поможет нам найти Уидди. Пойдемте вместе, если хотите.

«Золотая радуга» оказалась даже более шумным значимым местом, чем Келли могла себе представить. В сизых облаках густого табачного дыма длинноволосые нечесанные горняки и фермеры осыпали друг друга площадной руганью. Они толпились у игорных столов, вокруг пианиста, наигрывавшего нескончаемый мотив из хрипящих звуков, у стойки бара с бесконечным множеством бутылок и стаканов.

А женщины... бесстыжие, в открытых платьях с блестками и перьями... Келли содрогнулась. Как могли Божьи создания опуститься до такой степени!

Перкинс взял ее под локоток.

– Может, бармен расскажет нам, где ваш брат. – И повлек ее через зал к стойке бара.

Келли ощущала на своей руке его крепкую теплую руку. Музыка смолкла. Казалось, все глаза устремились на нее. Трость громко цокала о глиняный пол. Келли показалось, что она сейчас потеряет сознание от смущения. Ну почему она повела себя столь глупо? Зачем проявила такое упрямство? Келли споткнулась и упала бы, если бы не сильные руки управляющего.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они дошли до стойки бармена. Перкинс только взглянул на мужчин. Те ухмыльнулись и отошли.

Бармен уже спешил к ним.

– Привет, Джейс. Ну что, снова хочешь попытать счастья. Вчера ты их здорово разделал.

– Придержи язык в присутствии дамы! Это мисс Саутгейт, дочь Большого Джима. Она разыскивает своего брата Уидди.

Келли поразила его тону. Она не ожидала, что Джейс способен защищать ее. Как настоящий мужчина.

– Ах, черт, мэ... – Загорелое лицо Клема побагровело. – То есть... Ах, черт, мэ... Сегодня вечером я его не видел.

– Благодарю вас, – едва слышно прошептала девушка, почти физически ощущая, что все глаза и уши обращены к ней.

Перкинс предложил ей руку.

– В таком случае пойдемте, мисс Саутгейт.

Обратный путь казался ей еще более унижительным. Со всех сторон слышался шепот, издевательское хихиканье женщин. Стоило им выйти за дверь, как салун взорвался громоглас-

ным хохотом. Вся, дрожа, Келли прислонилась к столбу. Хорошо, что уже начало темнеть. Возможно, Джейс не увидит, как пылает от смущения ее лицо.

– Можем зайти еще в один салун, на другой стороне улицы.

Келли колебалась, не уверенная в том, что выдержит еще одно такое испытание.

– Хотите подождать на улице, мисс Келли? – спросил Джейс с сочувствием. Как будто она несчастное, жалкое существо! Калека, увечная мисс Саутгейт.

Ее ответ был: – Нет.

– В таком случае выше голову! Держитесь с гордостью, как и подобает такой женщине, как вы. Вы лучше всех остальных здесь.

Келли в изумлении смотрела на управляющего. Кто бы мог подумать, что Перкинс умеет говорить таким властным тоном! Но может быть, это лишь потому, что видит в ней сейчас представительницу слабого пола? Тем не менее, это придало ей мужества. Опираясь на его сильную руку, в следующий салун она вошла уже более уверенно и обратилась к бармену с тем же вопросом.

– Точно, я его видел. Сейчас он в «Красном буйволе».

– Где этот... «Красный буйвол»? – спросила Келли, когда они вышли на улицу.

– Немного подальше вниз. Но на этот раз вам придется подождать на свежем воздухе.

Что он себе позволяет! Келли в гневе стукнула палкой о мостовую.

– Мы опять будем ссориться по этому поводу?

– Да нет, Боже упаси! Я совсем не хочу с вами ссориться. Но только «Красный буйвол» – это... это публичный дом, мэм.

Келли открыла рот.

– И Уидди сейчас находится там?

– Возможно, вы этого не заметили, – осторожно начал он, – но ваш брат уже не ребенок.

Через десять минут она уже сидела на скамье перед «Красным буйволом». Вечернюю тишину прорезали пронзительный женский смех и звон бокалов. Келли содрогнулась. Неужели Уидди опустился так низко, что его уже невозможно спасти? Что скажет отец?

– Привет, куколка! Ждешь кого-нибудь?

Перед Келли стоял рослый ковбой, ухмыляясь и почесывая заросший щетиной подбородок. В свете, падавшем из окон публичного дома, лицо его выглядело болезненно-желтым.

– Я... прошу прощения?

– Похоже, с тобой можно приятно провести время. Вон, гляди, какая пышная. Что скажешь?

Келли задохнулась от злости.

– Как вы смеете обращаться к леди подобным образом, сэр!

Ковбой отшатнулся.

– Ну-ну, не надо так обижаться, мэм. – Он приподнял шляпу и, покачиваясь, зашагал по улице.

Келли смотрела ему вслед со смешанным чувством гнева и гордости. Даже эмансипированной женщине приятно, когда мужчина находит ее привлекательной. В Бостоне на нее мало кто обращал внимание. Интересно, а мистер Перкинс видит в ней женщину? От этой мысли приятная дрожь прошла по телу.

Через несколько минут Джейс показался в дверях вместе с ее братом. Келли с горечью заметила, что брат едва держится на ногах, одежда на нем помята. Глаза Уидди горели негодованием.

– Какого дьявола, Джейс! Кто ты такой! Что ты себе позволяешь!

Управляющий крепко схватил его за ворот рубашки.

– Ты можешь загубить свою собственную жизнь, дело твое. Можешь сжечь себе все внутренности спиртным. Тут никто не в силах тебе помешать. Но если ты еще хоть раз так напугаешь сестру, будешь иметь дело со мной.

Уидди сжал кулаки.

– Да кто ты такой, черт побори?

Джейс пробормотал какое-то ругательство, размахнулся и закатил Уидди оплеуху.

– Придержи язык в присутствии Келли. А теперь извинись перед сестрой за то, что заставил ее волноваться.

Уидди потер вспыхнувшую щеку и отвел взгляд.

– Прошу прощения, Келли, Джейс похлопал его помечу.

– Я знал, что ты не хотел ничего плохого. Если протрезвишься, может быть, завтра поедем на охоту. Закрою магазин пораньше или оставлю его на Билли Ди.

На лице Уидди появилась благодарная улыбка. Он с готовностью кивнул.

– Вот и прекрасно. Теперь заведи лошадь из стойла, запряги в повозку и отвези Келли.

– Минутку. – Келли поднялась со скамьи. – А вы разве не едете с нами домой?

– Нет, у меня есть еще дела. Келли с отвращением скривила губы.

– Карты! На это намекал Клем, ведь, правда? Сначала Келли не поверила словам бармена. Это так не похоже на Перкинса. Но видимо, интуиция ее не подвела, когда он говорил с Большим Джимом о деньгах.

– Вам так хочется денег, мистер Перкинс?

Он нахмурился, словно не зная, что ответить. Потом отвернулся в крайнем смущении.

– Господи, мисс Келли! Сможете ли вы простить мне такую маленькую слабость? Это совершенно безобидное удовольствие, которое я иногда себе позволяю. Просто время от времени хочется попытать счастья в картах. Не больше. Но сегодня я вовсе не собираюсь играть.

– Тогда что же удерживает вас в городе?

Она против воли бросила взгляд в сторону публичного дома.

– Господи, нет, конечно, нет! Просто я хотел покараулить около склада. Может, удастся выяснить, кто крадет товары у вашего отца.

В этот вечер Келли узнала столько нового для себя, столько неожиданного. Настоящая ночь приключений. Ей не хотелось, чтобы она закончилась так скоро.

– Я буду сторожить вместе с вами. Джейс покачал головой.

– Нет, это может затянуться надолго. И все что угодно может произойти. Я уже три ночи сторожу – и все напрасно.

– Мистер Перкинс! Как вы смеете так обращаться со мной! Как будто я беспомощное дитя. Я остаюсь с вами! Я на этом настаиваю!

Он ответил слабой улыбкой. Затем повернулся к Уидди:

– Поезжай домой. Скажи миссис Экленд, чтобы не волновалась. Скажи, что мы будем дома... – он вынул из кармана часы, – самое позднее в одиннадцать.

Уидди открыл рот, чтобы возразить, но Джейс предупреждающе поднял палец.

– И не проси. Если что-то произойдет, пьяный нам не помощник.

Уидди со вздохом повиновался.

Глава 8

Келли с благоговением смотрела на Перкинса.

– После смерти мамы я ни разу не видела Уидди таким послушным. Вы вели себя с ним как суровый отец.

Джейс опустил голову и стал в смущении водить носком сапога по краю тротуара.

– Простите меня, мисс Келли. Это больше никогда не повторится. По натуре я не такой. Просто попытался вспомнить, как вел себя со мной мой дорогой папочка. А Уидди, мне кажется, сейчас нуждается именно в строгости, чтобы встать на путь истинный.

– Да-да, конечно, вы правы.

Ну почему его правильные речи так разочаровали ее? Он смущенно засмеялся.

– А теперь за дело, если не возражаете. Будем изображать сыщиков.

– Что вы намерены делать?

– Билли Ди уже ушел спать на склад. В последнее время у меня появились подозрения, что он уходит среди ночи и оставляет склад без охраны. Я предлагаю покараулить напротив. На той стороне улицы есть маленький магазинчик с навесом. Мы скроемся в его тени. Я поставлю вашу повозку в конюшню, прежде чем мы приступим к... – Он засмеялся. – Прежде чем начнется наше маленькое приключение.

Аллея у склада оказалась на удивление ярко освещена. Окна и открытые двери нескольких выходящих на улицу салунов создавали дополнительное освещение. А благодаря шуму, доносившемуся из этих заведений, Келли и Джейс могли разговаривать, не понижая голоса до шепота.

– Должна сказать, становится холодно. Как глупо, что я не взяла с собой шаль.

– Ненавижу холод, – произнес Перкинс каким-то странным, отстраненным тоном, словно издали. – Мне там всегда казалось холодно, в...

Внезапно он запнулся на полуслове и отвернулся.

– В Балтиморе? Но я слышала, там очень теплый климат. И детство у вас было вполне благополучное, так вы писали в своих письмах.

– Да-да, конечно-конечно... Но в лагере для военнопленных... нам не давали одеял и... Да что там! Не стоит вам об этом рассказывать. Это не для ваших ушек.

– В данный момент мои ушки начинают мерзнуть.

– Вот еще одна причина, почему я доволен, что вы теперь носите волосы распущенными.

– А первая причина, в чем состоит?

Джейс наклонился к ней совсем близко и зашептал мягким низким голосом в самое ухо:

– У вас самые прекрасные волосы, какие я когда-либо видел. Как золото, на которое падает солнечный свет. – Он шумно втянул в себя воздух. – И вы моете их лавандовым мылом. Это так соблазнительно.

Пальцы его потянулись к завитку волос на ее щеке.

Келли наслаждалась его словами. Никогда раньше она не испытывала такого приятного ощущения. Однако всему есть предел.

– Мистер Перкинс, что вы себе позволяете! Девушка отстранилась и замолчала в ожидании его неловких извинений. Вместо этого он лишь тяжело вздохнул.

– Во-первых, я бы хотел, чтобы вы называли меня Джейс, поскольку это пожелание вашего отца. Но в его присутствии вы вообще никак меня не называете.

Келли почувствовала унижение оттого, что он заметил ее маленькую хитрость.

– Иногда желания моего отца расходятся с моими собственными.

Она произнесла эти слова с большей язвительностью, чем намеревалась.

– А если я скажу вам, что мне бы доставило огромную радость, если бы вы называли меня Джейсом? Могло бы это вас убедить?

Она взглянула ему прямо в глаза. Ну, нет, этому Перкинсу ее не обольстить!

– Ни в малейшей степени!

– И все-таки в один прекрасный день это случится. – Джейс улыбнулся странной улыбкой и замолчал.

Ах, негодяй! Неужели он настолько уверен в том, что их брак состоится? Келли решила, что больше ни слова ему сегодня не скажет. Долго сидела молча, не сводя глаз с двери склада на противоположной стороне улицы. Однако через некоторое время почувствовала, что холод пробирает ее до костей, и невольно вздрогнула.

– Почему здесь по ночам становится так холодно?

– Говорят, что горный воздух слишком разреженный, не может удержать дневное тепло. – Перкинс достал что-то из кармана сюртука. – Вот, это наверняка поможет.

Келли с негодованием воззрилась на серебряную фляжку.

– Виски? С каких пор вы носите с собой спиртное? Он улыбнулся своей простоватой улыбкой.

– Этот долгий путь домой по вечерам... Ночью воздух здесь очень холодный. Надеюсь, вы простите мужчине его маленькие слабости.

Келли фыркнула.

– Похоже, вы успели перенять все дикие привычки, принятые в этих местах. И как скоро!

– Я никогда не сделаю ничего такого, что вам всерьез не понравится. – Он вложил фляжку ей в руки и отвинтил пробку. – Пожалуйста, мисс Келли. Глотните.

Она бросила на него уничтожающий взгляд:

– Мистер Перкинс! Я не употребляю спиртного!

– Очень похвально. Но вы промерзли до костей. Вам сейчас виски никак не повредит, в умеренных количествах это только на пользу. Вам сразу станет теплее. Только для этого я и предлагаю выпить.

Некоторое время Келли колебалась. Потом обтерла горлышко фляжки пальцем, затянутым в перчатку, и приложила его к губам. От первого осторожного глотка слезы выступили на глазах, однако второй обжигающий глоток приятным теплом разлился по телу.

– Действительно, стало теплее, – застенчиво проговорила она.

Джейс просиял и тоже приложился к фляжке, отпив изрядное количество виски. Потом настоял, чтобы она сделала еще один глоток.

– А теперь, если позволите, я вас еще согрею... если, конечно, вы не сочтете это слишком большой дерзостью с моей стороны... – И он привлек ее к себе.

Келли знала, что ей следует воспротивиться. Но рука его была такой теплой, объятие таким желанным. А от виски приятное тепло разливалось по всему телу, до самых кончиков пальцев ног. Боже правый!

Он медленно провел пальцами вниз по ее рукаву.

– Какое тонкое платье. Вы, наверное, совсем озябли. Келли вздрогнула, но на этот раз не от холода. От его прикосновения сердце забилось учащенно, во рту пересохло. Да нет, Джейс просто добр к ней, заботится о ней. Разве можно усмотреть в его прикосновении намеренную ласку, а в его дружеском жесте любовное объятие? Он слишком хорошо воспитан, чтобы ухаживать за ней таким неподобающим образом. Келли отругала себя за глупость и преувеличенную щепетильность.

– У меня в горле все пересохло. Как вы думаете... Джейс моментально достал из кармана фляжку, но все-таки спросил:

– А вы уверены, что виски не ударит вам в голову?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.